

Владимир ВЕЙХМАН

Израиль

УЧИТЕЛИ КАПИТАНОВ*

Может быть, теперь, когда прожита большая часть жизни, я начинаю понимать, как много сделали для меня мои учителя (именно так, как подсказывает словарь: «учители, мн.; люди, являющиеся высокими авторитетами для кого-либо, в какой-либо области, имеющие последователей»). Не только знания и практические умения почерпнул я у них, высокие профессионалов; как много дали они мне для понимания самой жизни! Они всегда были теми эталонами, с которыми я как мог сопоставлял свои намерения и поступки.

Мне посчастливилось встретиться с этими людьми, когда я в 1952 – 1957 годах учился в Высшем арктическом морском училище имени адмирала Макарова, преобразованном в дни моей учебы в Ленинградское высшее инженерное морское училище. Эти люди и эти годы дороги мне, как дорога сама молодость, с ее открытиями, свершениями, шалостями и глупостями.

* Герой очерка слева направо: капитан Н.М. Николаев, 1935 г., А.И. Щетинина, А.П. Ющенко, Е.М. Полищук, Владимир Вейхман – курсант 1-го курса ВАМУ, 1952 г., С.Б. Слевич – выпускник ЛГУ, М.И. Гаврюк, Н.Н. Матусевич. Фото предоставлены автором.

Сын предыдущего

Из вывешенного на третьем этаже расписания мы знали, что первую пару – по морскому делу (название-то какое!) – будет проводить доцент Николаев. Прозвенел звонок, и в аудиторию уверенным шагом, но без малейших признаков рисовки вошел высокий моряк. Обширная лысина, начинающаяся ото лба, не только не уродовала его облик, но придавала ему благородство, свойственное повидавшим жизнь людям. На рукавах форменного кителя моряка было по широкому и среднему с петлей золотому шеврону.

«Контр-адмирал...» – пронеслось по рядам.

«Генерал-директор Севморпути третьего ранга», – прикрыв рот рукой, чтобы Николаев не заметил, кто именно говорит, громким шепотом сообщил Генка Андреев.

А мне Генка прошептал еще: «Николаев – начальник нашего судоводительского факультета, по-студенчески – декан».

Генка, конечно, знал всё. Вчера, когда нам выдали рабочую форму (кроме ленточек к бескозыркам и матросских воротничков – гюйсов), Генка первым стал перешивать «беску» – матросскую бескозырку без ленточек, чтобы она смотрелась, как у бывалых мореманов – с низкой тульей и мягким верхом, для чего следовало укоротить пружину, распирающую тулью. Я последовал примеру Генки и тоже стал уродовать свою «беску», но если у Генки она после перешивки смотрелась щегольски, то у меня получился блин блином. А ведь носить ее придется года три, не меньше, когда, наверное, дадут новые бескозырки. Или заведу фуражку-мичманку, в каких поголовно ходили все старшекурсники.

Такой же блин получился у Игоря Беднова, высокопоставленного правофлангового, и, взглянув на него на утренней проверке, командир роты Мацак изумленно изрек: «Матрос с крузы щипароры» (подразумевалось, что на английском языке это означает «с крейсера «Аврора»»...)

Генка хорошо держался, а меня терзала тупая головная боль. Во рту, как уже успел определить Боб Стеховский, «как кошки нагадили». Вчера, накануне первого дня занятий, нам разрешили пойти в увольнение. Мы были чертовски горды своей форменной одеждой, хотя, как я догадывался, довольно смешно в ней выглядели: на голове – тот самый блин без ленточек, фланелевая матросская рубаха, в разрезе ворота которой выглядывала настоящая полосатая тельняшка, такие же фланелевые брюки и тяжелые ботинки типа «г/д» (расшифровку этой аббревиатуры я узнал несколько позже), но зато нас-

стоящий широкий кожаный флотский ремень с латунной бляхой, на которой рельефно выделялись буквы «ГУСМП», что, конечно, означало «Главное управление Северного морского пути». Бляхи мы тут же энергично начистили до блеска кто чем мог: предусмотрительные и запасливые – асидолом, а прочие – зубным порошком.

Конечно же, я поехал к Московскому вокзалу, на Невский. В Питере я ориентировался еще очень плохо и поэтому пошел не в сторону Адмиралтейства, на парадную, так сказать, часть Невского проспекта, а в противоположном направлении, в сторону Александрово-Невской лавры, на Старый Невский. Впрочем, ушел я недалеко и вскоре в нерешительности остановился около лоточницы, торгующей, среди прочего, водкой в розлив (тогда, в начале 50-х, это было в порядке вещей). Колебался я недолго: все-таки начало новой жизни надо было отметить. Я заказал сто грамм и скромный бутерброд и, поняв, что иду не туда, повернул обратно.

У Московского вокзала я заметил еще одну лоточницу с тем же самым ассортиментом. Как у всякого неопытного выпивохи, во мне разгорелось желание продолжить возлияние. Змей-искуситель был силен, и недолго я с ним боролся. Еще сто грамм сделали мое состояние каким-то легким, воздушным, я с гордостью ощущал себя настоящим моряком, и мне казалось, что все прохожие с уважением смотрят на меня в моей новенькой форме.

Тут-то мне и встретился Генка Андреев. Он, как я понял, тоже успел отметить у какой-то лоточницы, но выглядел браво, особенно щегольски смотрелся в своей великолепной бескозырке, сдвинутой на правую бровь. Ходить просто так нам показалось не очень-то интересно, и я предложил зайти куда-нибудь посидеть. Мороженого, что ли, поесть; я уже успел убедиться, что в ленинградских кафе такое вкусное мороженое, шариками, особенно это, крем-брюле.

Мы перешли Лиговку и спустились в первый попавшийся на пути подвальчик, просторный и ярко освещенный. Я уже чувствовал, что меня изрядно разобрало, и хотел выпить чего-нибудь полегче, вроде крющона, о котором я слышал, но которого никогда не пробовал.

В меню, поданном пожилым официантом, крющон не значился, зато был другой напиток, столь же легкий, как мне казалось, – коньяк. Помнится, где-то я читал, что джентльмены после званого ужина удалялись курить сигары и пить этот самый коньяк. «Ну, крющон не крющон, но, должно быть, что-то вроде лимонада», – успел подумать я, прежде чем заказал официанту два стакана этого самого коньяка. Отку-

да было знать мальчишке-безотцовщине из глубокой провинции, что такое коньяк? Я никогда раньше его не только не пробовал, но и не видел!

У официанта полезли вверх брови: «Но ведь это же восемьдесят девять рублей!» Насчет рублей я не сразу сообразил, но заметил, что рядом со словом «коньяк» в меню изображено пять звездочек. «Значит, хороший лимонад, когда еще удастся такого попить», – только мелькнуло в моей голове, а вслух я подтвердил заказ: восемьдесят девять рублей у меня еще оставалось.

Мы с Генкой устали на принесенную жидкость янтарного цвета и, как мне показалось, маслянистую. Последнее обстоятельство представилось странным: я-то думал, что коньяк – это так, с пузырьками, вроде газировки. Я начал пить, глядя на Геннадия, глаза которого округлились («Наверное, у меня так же», – успел подумать я), а дальше уже ничего не помнил. В каких-то проблесках сознания я ощущал, что мы едем на трамвае, на задней площадке, я уперся лбом в стекло, затем, кажется, мы поднимались по лестнице («Ну да, ведь наше ротное помещение находится на пятом этаже»), а потом – ничего, никакого представления ни о пространстве, ни о времени, пока дежурный Беднов не заорал: «Рота, подъем!»

Николай Михайлович Николаев начал свои лекции с азов – с морской терминологии. Его манеру говорить дружно копировали первокурсники: несколько нараспев, протяжно, с паузами, не спеша, чтобы за ним успевали записывать не привыкшие конспектировать вчерашние школьники: «... А пола на судне... не-ет... А есть... па-лу-ба. А потолка на судне... тоже... не-ет... А есть... под-во-лок». Всё было так просто, так понятно. «А люки и трапы... ограждаются поручнями... Иногда их называют релингами... но лучше говорить... поручни».

Свои деканские обязанности Николай Михайлович выполнял мягко, без всякого нажима. Редкие вызовы к декану никак не означали разноса: Николаев мягко журил нерадивого курсанта, получившего «неуд» на экзаменационной сессии, называя его не иначе как «голубчик», и давал ему направление на пересдачу.

О себе Николай Михайлович практически никогда и ничего на своих занятиях не говорил. Только окольными путями мы узнавали о том, какой он знаменитый. Не меньше, чем капитан Воронин, который командовал «Сибиряковым» и «Челюскиным» в их прославленных арктических плаваниях. Николаев на «Литке» первым прошел весь Северный морской путь в одну навигацию без аварии (в отличие от «Сибирякова», потерявшего в 1932 году все лопасти

гребного винта, и «Челюскина», в 1933 году раздавленного льдами в Чукотском море).

Спрашивать генерал-директора во время лекции о чем-то постороннем было неудобно, и вот лишь Лёвка Сухов, который, как тургеневский Базаров, не признавал никаких авторитетов, однажды выбрал момент и спросил: «А правда, что вы участвовали в спасении экспедиции Нобиле?» Похоже, что наш лектор даже растерялся от такого неожиданного вопроса и, сбившись с темы, ответил: «Нет, я не участвовал и не мог участвовать, тогда я работал на Черном море». Лёвка осмелился на еще один вопрос: «А вам приходилось участвовать в спасении каких-нибудь пароходов?» – «Ну как вам сказать, – словно бы смутился капитан. – Нас самих на «Литке», в сущности, спасали. Впрочем, тогда же мы пытались спасти людей с «Юкагира». Тут уж загудела вся аудитория: «А что такое «Юкагир»? Расскажите, пожалуйста, как это было?»

Похоже, мы задели чувствительную струну в сердце повидавшего виды моряка.

«Юкагир» – это один из пароходов американской постройки, купленных в конце 20-х для Акционерного Камчатского общества. Там еще были «Ламут», «Орочон», «Корьяк»... Сначала их использовали как грузовые, а потом передали Крабтресту и переоборудовали в плавучие крабконсервные заводы. Ну и людей развозили на береговые рыбокомбинаты, до 450 человек на борту бывало.

Мы тогда на «Литке» впервые обеспечили зимнюю навигацию в Охотском море, провели суда в Охотск и бухту Нагаева, а сами зазимовали прямо во льду: топливо закончилось. Не только уголь из бункеров под метелку повымели, а сожгли в топке всё, что только могло гореть. В последние недели я разрешал подавать электричество только на работу радиостанции, а так – ни освещения, ни отопления, а о бане и говорить не приходилось. Мечта была у всех – выжить, а потом уж в Петропавловске вволю отмыться. Дело уже к весне пошло, когда к нам прибыл небольшой ледокол «Давыдов», а с ним транспорт с полным грузом угля...

Вот вышли изо льда и направляемся на Камчатку, в Петропавловский порт. Погода – преотвратительная, кладет на борт до пятидесяти градусов. Даже пианино в кают-компани с креплений сорвало и в щепки разбило. Вот уж пожалели: знали бы, что так случится, заранее бы в топке сожгли. Одна мечта – скорее бы до Камчатки дойти.

А тут заходит в рубку радист: «Николай Михайлович, сигнал бедствия! Пароход «Юкагир» выскочил на камни в Четвертом Курильском проливе, нуждается в немедленной помощи. Сообщает, что долго

на плаву не продержится, там промрабочих более трехсот человек, всем грозит гибель!»

«Сообщите, – говорю, – что следуем на помощь с максимально возможной скоростью, пусть уточнит координаты», – ведь все-таки Четвертый Курильский пролив достаточно широкий – более двадцати трех миль, а в туманную погоду надо чуть ли не вплотную подойти, чтобы обнаружить терпящее бедствие судно.

Радист вскоре возвращается: «Считаю себя у южной оконечности острова Парамушир». Туда мы и направились, а тут туман поднялся, вижу берег острова, но никаких следов кораблекрушения на нем не усматривается. Подошел и выручивший нас из беды ледокол «Давыдов». Мы с его капитаном решили разделить: он пойдет к югу осматривать близлежащие острова и проливы, а я – к северу; в такую погоду нетрудно и ошибиться в счислении пути на десяток – другой миль.

Пошли мы на «Литке» вдоль островов Курильской гряды, к берегу держимся поближе, чтобы не проскочить мимо, в попутные проливы заглядываем. Уже сутки поиск идет, а ни у нас, ни у «Давыдова» никаких успехов. Люди на берегу Первое мая празднуют, а нам уж вовсе не до праздника.

Тут меня и осенило: «Запроси, – говорю радисту, – какая у него погода». – «Туман у нас, туман», – отвечает горемыка. «Ну, – думаю, – у него туман, а у нас то ясная погода. Пойду туман искать». А мы тем временем уже Курилы позади оставили, и по левому борту – полуостров Камчатка. Действительно, над побережьем – туман, входим в бухточки с превеликой осторожностью – нет как нет! Вот, наконец, приближаемся ко входу в бухту Ахомтен – бывал я там, воду принимал из горной речки. А бухта эта – как узкая щель, глубоко вдающаяся в сушу между высоких скал, ширина на входе – какие-то четверть мили. Попасть туда вслепую, следуя с океана, и не врезаться в высокий берег справа или слева от входа – невозможно даже чудом! А в самой вершине бухты, завалившись на правый борт и словно провалившись носом в черную воду, – он, «Юкагир»! Берег от него хоть и близко, но отделен водным пространством за узкой песчаной косой, через нее перехлестывает волна, а на ней – я уже вижу! – копошатся люди, наверное, не меньше сотни человек! Как только они смогли на ней выжить уже вторые сутки! Подошли еще ближе – и я вижу, что какие-то люди не то с косы, не то с борта несчастного «Юкагира» плавают!».

И генерал-директор совершенно неожиданно для нас изобразил, как они плавают! Он чуть присел, вытянул руки вперед и стал загребать ими, как пловец брассом!

Мы ошалело молчали. Наконец Гена Андреев прервал тишину и спросил: «А что же дальше?»

«А дальше мы сняли с косы и с гибнущего судна сто пятьдесят человек и разместили их всех где только смогли: в столовой команды, в каютах и узких коридорах жилых помещений, на решетках машинного отделения, а кого-то пришлось поместить в угольный бункер. До Петропавловска было недалеко – всего каких-то тридцать пять миль. Остальных снял «Давыдов».

Когда через сутки с небольшим мы вернулись в бухту Ахомтен с ремонтной бригадой, ремонтировать было уже нечего: судно переломилось пополам. Носовая часть полностью затонула, а кормовая еще долго возвышалась над водой как напоминание о роковой ошибке капитана, оказавшегося со своим несчастным судном на двести миль севернее, чем он полагал».

Тут Николай Михайлович взглянул на часы: вот-вот должен прозвенеть звонок.

Лёвка еще успел вставить вопрос: «А что было тому капитану?»

Лицо Николаева посуровело, он снова замкнулся в своих капитанских мыслях, словно решал – говорить или не говорить.

«Расстреляли», – услышали мы, и тут же прозвенел звонок.

...Стоит сказать несколько слов о ледорезе «Литке». В отличие от ледоколов, которые не только разбивают льдины своим форштевнем, но и наползают на лед и ломают его своей тяжестью, ледорез разрезает лед и раздвигает его в стороны.

Ледорез «Литке» был построен в Англии в 1909 году и получил название «Эрл Грей». Потом несколько раз передавался от одного владельца к другому и менял имя, пока, наконец, не получил название «Литке» (точнее, «Ф. Литке» – именно такое значилось на борту судна и в судовых документах). Это сравнительно небольшое судно поражало своей красотой – гармоничными пропорциями корпуса и надстроек, вогнутым, как у старинных чайных клиперов, форштевнем, скошенными назад мачтами и дымовой трубой.

Вот фотография капитана Николаева на мостике своего ледореза. Он стоит, опершись на тот самый релинг, или поручень, на груди его мощный цейсовский бинокль, на голове – фуражка с флажком Главсевморпути, и только теперь я замечаю, каким молодым был тогда мой учитель!

Лёвка Сухов вскоре стал называть Николая Михайловича не иначе как «сын предыдущего». Этот странный титул он позаимствовал из только что вышедшей толстой книги под названием «Русские мо-

реплататели». В ней содержался список известных мореплавателей, полтысячи фамилий, из них только у шестнадцати в годах жизни указана лишь дата рождения – живы были, значит, на день написания книги. Среди них и наш декан. Он-то и был представлен в списке как «сын предыдущего, М.В. Николаева, выдающийся советский ледовый капитан, доцент». А «предыдущим» был его отец, Михаил Васильевич Николаев, представленный тоже как выдающийся ледовый капитан, приглашенный адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым в качестве штурмана на ледокол «Ермак». Гражданская война на всей территории России еще не закончилась, когда он организовал Карские экспедиции для снабжения голодающего Европейского Севера страны сибирским хлебом из устьев Оби и Енисея – на ветхих, не приспособленных для плавания во льдах и перегруженных сверх допустимых пределов судах.

По случаю какого-то юбилея адмирала Макарова, имя которого носило наше училище, нас, курсантов, привели в актовЫй зал на торжественное заседание. В президиуме сидели три-четыре человека, среди них наш декан Николаев. Когда ему предоставили слово, он встал и, явно смущаясь, сказал, что адмирала Макарова он видел, когда «Ермак» впервые после постройки пришел в Петербург и отец взял его на свой ледокол. «Но мне было тогда всего два года, и, конечно, я ничего не помню».

Пару лет спустя после окончания училища я купил «Руководство по морской практике», переведенное с английского и вышедшее под редакцией Н.М. Николаева. Его фамилия была заключена в черную рамку.

Недолго живут полярные капитаны. Ему шел только шестьдесят второй. А его отец умер на борту своего ледокола в пятьдесят шесть...

Не тот Алексеев

В этом семестре по курсу «Морское дело» мы должны были изучать раздел «Морские буксировки». Я воспринял это известие как подарок судьбы. Ведь из всех своих товарищей-сокурсников только я проходил летнюю плавательную практику матросом-рулевым как раз на морском буксире, таскавшем между портами Балтики нагруженный то лесом, то углем лихтер – самоходное сухогрузное судно. Никаких сложностей в буксировке я не видел. Главное – следы, чтобы в дурную погоду при попутном ветре лихтер, обладающий большой парусностью, не оказался впереди буксировщика. И, понятное дело, буксировщик не имеет права давать

задний ход. А при следовании по узкому морскому каналу буксирный трос следует подобрать до минимума, чтобы предотвратить возможное рыскание буксируемого объекта. Вот и вся теория.

Что касается практики, то на моем буксирном пароходе мне выпадало стоять вахту то с третьим, то со вторым помощником капитана. Третий помощник кое-как выучился на штурмана на краткосрочных курсах и к своим обязанностям относился, как бы помягче сказать, своеобразно. На ночной вахте, когда капитан обычно спал и его появления на мостике не ожидалось, третий чаще всего занимался подсчетами: сколько это будет денег, если он получит миллион. С рублевыми купюрами было проще всего: если считать, что деньги будут в банковских упаковках по сто купюр в каждой, то это получится... значит, миллион разделить на сто... десять тысяч упаковок! «Нет, в один чемодан столько не поместится!» – заключал вахтенный помощник капитана.

Вот в сторулевых купюрах выходило всего сто упаковок. «Пожалуй, в хороший чемодан войдет», – заключил третий штурман.

В другой раз на вахте он решил посчитать, сколько это будет – миллион рублей в мелкой монете. Довольно быстро он сообразил, что миллион по одной копейке – это будет миллион граммов, то есть тысяча килограммов. «Тонна!» – удивился он. Но еще больше он удивился, что миллион хоть трехкопеечными монетами, хоть пятаками – тоже тонна!

Второй помощник имел образование получше – окончил среднюю мореходку, и его занятие на ночной вахте было более интеллектуальным. Он напевал какую-нибудь мелодию (именно напевал, а не насвистывал: насвистывать в море – навлечь ветер!), а мне предлагал угадать, из какого это кинофильма. Чаще всего это были «Подвиг разведчика», «Девушка моей мечты» и «Серенада Солнечной долины». А потом он требовал, чтобы я загадал какую-нибудь мелодию, и, с учетом скудости моего музыкального репертуара, он всегда угадывал, а я – почти никогда.

В расписании лектором по морскому делу значился доцент Г.М. Алексеев. В аудиторию вошел невысокий старичок с седой щетинкой усов и коротко подстриженной прической. Он был в аккуратном «гражданском» костюме, ладно на нем сидевшем, галстук тоже был повязан аккуратно, чувствовалось, что новый преподаватель умеет одеваться со вкусом. Лекция началась традиционным изложением общих мест – ну все, как я ожидал. Но уже через несколько минут я вынужден был напрягать внимание: «орбитальное движение центра тяжести каждого из судов...», «трохоидальная теория волне-

ния...» («Страхоидальная...» – громким шепотом произнес Боб Стехновский.) А классную доску заполняли сверху донизу многоэтажные формулы, в которых стояли не только привычные синусы-косинусы, но и гиперболические функции, не оставившие в памяти следа после завершения высшей математики еще на втором курсе...

В пятиминутном перерыве, торопливо докуривая папироски, мы подавленно молчали. Даже Лёвке Сухову, завязтому острослову, нечего было сказать, кроме протяжного «Да-а-а...». На что Боб Стехновский мрачно добавил: «А ведь это только начало...»

От старшекурсников мы кое-что узнали о новом лекторе – Григории Михайловиче Алексееве. Оказывается, он был первым на советском торговом флоте капитаном с высшим инженерным образованием. Он окончил в свое время кораблестроительный факультет политехнического института, а уже затем пошел в моряки. «Знаешь, – сообщал рассказчик, – он жену обычно брал с собой в рейсы. Старший штурман заходит к нему в капитанскую каюту, а они вдвоем сидят с логарифмическими линейками и что-то считают, считают...»

Аудитория разделилась на части. Старательно конспектировали лекции наши командиры отделений Лобов и Носков. Лобов безапелляционным тоном даже вроде бы командовал: «Помедленнее!» или «Повторите, пожалуйста!» Носков, не всё поняв с первого раза, задавал вопросы, стараясь получше разобраться в определении скорости буксировки в зависимости от прочности буксирной линии и в усилиях, возникающих в буксирном тресе.

Кое-кто механически конспектировал лекции Алексеева, мало что понимая, но надеясь, что по этим конспектам можно будет изготовить шпаргалки для экзамена. Как всегда, нашлись и такие, кто просто махнул рукой на лекционный материал, не без оснований надеясь на то, что авось как-нибудь кривая вывезет.

По ведомым только деканату причинам, экзамена по разделу, который читал нам Алексеев, в конце семестра не было, а был зачет, который выставлялся по результатам выполнения курсовой работы. Предусмотренный в ней расчет буксирной линии требовал понимания теории вопроса, и тут в выигрыше оказались те, кто внимательно слушал доцента Алексеева и старательно конспектировал лекции.

Года два спустя, возвращаясь из Антарктики, мы проходили неподалеку от мыса Гвардафуй, что на самом кончике Африканского Рога при входе из Индийского океана в Аденский залив. Старший помощник капитана, глядя на яркий огонь маяка на горизонте, обратился ко мне: «Вот

тут это и было». – «Что было?» – спросил я в недоумении. «Ты про «Жорж Филиппар» слышал?»

Нет, про «Жорж Филиппар» я ничего не знал.

Было это давно, еще в 1932 году. На маяке Гвардафуй заметили на горизонте горящее судно. Никаких сигналов по радио на маяке с него не приняли, но пламя на судне – само по себе сигнал бедствия. Огонь заметил и вахтенный помощник капитана танкера «Советская нефть», который с пустыми танками шел из Владивостока на Черное море за очередным грузом топлива. «Пустыми» танки – цистерны для жидкого груза – можно было назвать лишь условно: после выгрузки нефтепродуктов в них оставались взрывоопасные пары, и близко подходить к горящему судну было смертельно опасно. Но капитан Алексеев ни минуты не колебался. Он приказал предпринять все необходимые меры: немедленно изменить курс к горящему судну, дать самый полный ход, готовить к спуску спасательные шлюпки, а в пожарную магистраль дать напор забортной воды, чтобы с приближением к огню непрерывно поливать палубу во избежание нагревания и возможности взрыва.

Оказалось, что горит французский пассажирский лайнер «Жорж Филиппар», направлявшийся в Марсель из Японии. На его борту находились 767 пассажиров и членов экипажа. Огонь вспыхнул внезапно, верхние надстройки вместе с радиорубкой почти мгновенно были объаты пламенем. Высадить пассажиров на шлюпки растерявшаяся команда толком не смогла, и те шлюпки, которые удалось спустить на воду, отходили от борта горящего судна почти пустыми.

Капитан Алексеев отправил не только все свои спасательные шлюпки для снятия людей с горящего судна, но и шлюпки с французского лайнера, на которые посадил членов своего экипажа.

Маневрируя на расстоянии четверти мили от губительного огня при сильном ветре и высокой зыби, затруднявшими и удержание танкера на месте, и управление неповоротливыми гребными шлюпками, «Советская нефть» приняла на свой борт 438 человек, которых через сутки передала на подошедший французский лайнер. Более семидесяти человек недосчитались среди спасенных, а оставшихся подобрали подошедшие к месту аварии два английских парохода.

Чем награждают капитанов за их подвиги? Капитан Алексеев получил в подарок от французской фирмы – владелицы «Жоржа Филиппара» – именную секстан и золотые часы.

Я многие годы считал, что это и был наш препода-

ватель – доцент Алексеев! Не мог только вспомнить, поглядывал ли он на свои золотые часы?

И вдруг спустя много лет Интернет подсказал мне, что спасением людей с горящего французского лайнера руководил капитан Александр Митрофанович Алексеев. А нашего-то Алексеева звали Григорием Михайловичем! Не тот Алексеев!

Впрочем, убыло ли что-нибудь в уважительной памяти о моем учителе? Знаменитая Анна Ивановна Щетинина, первая в мире женщина – капитан дальнего плавания, тогда – наш замдекана, писала о нем: «Мне трудно назвать другого человека с такими широкими познаниями и интересами, как он. Именно он был инициатором постановки морской практики на научную основу, и он дал флоту получившие широкое признание книги по управлению судном, где были применены инженерные знания». Интернет напомнил, что в своих трудах капитан Алексеев опирался на работы академика Крылова и другие теоретические положения точных наук.

А мы-то испугались гиперболических функций! Если бы юность понимала...

А наши командиры отделений так и не стали капитанами.

Юрку Лобова погубил его неуступчивый характер. Гуляя то ли в лесу, то ли еще где, он вышел к охраняемому объекту. Подогретый выпивкой, Лобов не обратил внимания ни на оклик часового, ни на предупредительный выстрел: «Подумаешь, мне, штурману первого в мире атомного ледокола, будет подавать команды какой-то солдат!» Следующий выстрел сразил его наповал.

Вячеслав Носков, напротив, обладал характером мягким и ко всем был доброжелателен, за что его с первых дней учебы и до последних называли не иначе как Славочка. По службе на судах Дальневосточного пароходства он продвигался быстро, но не выше должности старшего помощника капитана: обменять свой штурманский диплом на капитанский никак не решался, всё ему казалось, что еще не дозрел. Старпомом он был и на теплоходе «Тикси», одном из самых крупных грузовых судов пароходства, которому было поручено доставить из Вьетнама на Черное море морской буксир «Аргус». Против обыкновения, в этом рейсе «Аргус» был не буксирующим, а буксируемым объектом. В целях экономии его моторесурса «Тикси» тащил его на буксире через бурный Индийский океан. Славочке пришлось попотеть, рассчитывая буксирную линию по формулам Григория Михайловича Алексеева. Однако то ли расчет был неудачным, то ли просто троса достаточной прочности не наш-

лось, но в Индийском океане на сильном волнении буксир оборвался и раз, и второй. Первый раз неповоротливый «Тикси» с трудом маневрировал, чтобы подать буксир заново, а старпом сорвал голос, командуя креплением на судне тяжелого и неподатливого троса. Во второй раз от затеи с подачей буксирного троса отказались, и капитаны решили, что «Аргус» до улучшения погоды пойдет своим ходом. Капитан ушедшего вперед «Тикси» дал на «Аргус» радиограмму, что имеет большой снос влево: видимо, в этом малоизученном районе действует неизвестное течение. Но капитан «Аргуса» не придал предупреждению должного значения, да еще положение усугубила навигационная ошибка: в результате «Аргус» наскочил на рифы редко посещаемых островов Каргадос-Карахос.

Моего доброго друга после очередного рейса поразил обширный инсульт, от которого он так и не смог оправиться. А теплоход «Тикси» погиб раньше, чем его бывший старпом. С трюмами, загруженными молотым тальком насыпью, «Тикси» следовал из Австралии в Японию. Когда до порта назначения оставалось совсем немного, штормовая волна резко накренила судно на борт. Видимо, произошло смещение сыпучего груза; капитан сообщил об этом в пароходство, и тут же связь оборвалась. Опрокидывание судна – одна из самых страшных катастроф на море, которая не дает шансов спастись и не оставляет следов на поверхности воды. Так было и в этот раз.

Сорок метров серости

Когда прошло столько лет, то и вспомнить трудно, с чего все это началось. Да, конечно, с практических занятий по навигации, которые вели у нас три преподавателя; по странному совпадению, фамилии всех троих начинались на букву «Г»: Гуков, Гамов и Гаврюк.

На этих занятиях, как правило, выполнялись учебные прокладки – графические построения на морских картах, отображающие перемещение судна и определение его местоположения. Каких только казусов не встречалось у неопытных штурманов! Вот этот отложил вектор течения в прямо противоположном направлении, и Михаил Иванович внушает ему: «Запомните – ветер в компас, а течение из компаса!» А этот перепутал правило учета годового изменения магнитного склонения, и в результате линия истинного курса ушла в сторону от заданного положения. А тут уж и вовсе полный абсурд: увлекшись вычислениями и гра-

фическими построениями, начинающий судоводитель не заметил, что курс его воображаемого судна давно проходит по берегу...

Ассистенту Гаврюку, недавнему выпускнику нашего училища, близкому к нам по возрасту, прощались грубоватые шуточки, которые он беззлобно отпускал в адрес несообразительных или несобранных курсантов. Более того, эти шуточки не без удовольствия воспроизводились теми, в чей адрес они были отпущены, и входили в курсантский фольклор. Лев Сухов схватывал их буквально на лету, и уже от него можно было услышать крылатое выражение Михаила Ивановича: «Простых вещей не понимаешь! Серый ты, как пожарный шланг – сорок метров серости».

Вообще-то, Гаврюк был человеком мягким и доброжелательным, но были мелкие, казалось бы, проступки, которых он терпеть не мог. Например, когда на занятии обнаруживался курсант со щетиной на щеках и подбородке. Тогда Михаил Иванович, глядя мимо нарушителя, изрекал: «Настоящий моряк должен быть чисто выбрит...» – «...И слегка пьян», – подхватывал Сухов. Еще он не терпел, когда кто-то засовывал руки в карманы брюк. «Курсант Иванов, у вас что, брюки не держатся?» – недоуменно вопрошал он нарушителя кодекса джентльменских приличий.

Когда мои курсантские годы подходили к концу, я преподнес Михаилу Ивановичу только что вышедший сборник стихов молодых ленинградских поэтов с парой моих стихотворений. Я уехал на Дальний Восток, а через несколько месяцев в журнале «Морской флот» увидел подписанную Гаврюком статью, в которой упоминалась и моя фамилия. Нет, конечно, в статье речь шла не о моих поэтических экзерсисах, а о необходимости организации на выпускном курсе учебной штурманской практики по примеру той, которую я прошел вместе с несколькими товарищами, отпросившимися в морскую антарктическую экспедицию.

Потом я встретился с Гаврюком уже на вступительных экзаменах в аспирантуру, отвечая на вопросы по той же навигации. Помню, что мне достался вопрос – градиент угла. Я без труда вывел не слишком сложное выражение для плоскости. Михаил Иванович, как бы задумавшись, спросил: «А на сфере?» Я же, не помедлив, ляпнул: «На сфере – аналогично». Это вместо того, чтобы повозиться с выводом формул. Не знаю почему, но Михаила Ивановича мой ответ удовлетворил.

Через три с половиной года Гаврюк вел заседание ученого совета, на котором я защищал свою кандидатскую диссертацию. Объединенный совет судоводительского и арктического факультетов отличался

своей принципиальностью и высокой требовательностью к соискателям. Среди профессоров почтенного возраста Михаил Иванович был самым молодым, но председательствовал уверенно и твердо. Однако на дружеском ужине, состоявшемся после моей защиты, не упустил случая заметить: «Ты видел, как я тебе сигнал подавал, чтобы ты вынул руку из кармана? Или сам догадался?»

А несколько лет спустя Гаврюк был назначен начальником Дальневосточного высшего инженерно-морского училища и занимал эту должность десять лет. Оказавшись в командировке во Владивостоке, я позвонил Михаилу Ивановичу; чувствовалось, что ему был приятен мой звонок. «Приходи ко мне вечером, я тебя познакомлю с моей женой – она преподает английский язык. Посидим, послушаем пластинки – у меня хорошая коллекция». Не помню, какие причины помешали мне принять предложение Михаила Ивановича: командировка была короткой, и я уже был связан другими обязательствами. До сих пор жалею об этом.

Никто, наверное, не посчитал, сколько учеников прошло школу Гаврюка – конечно, счет шел бы на тысячи. Каждому он терпеливо втолковывал азбучные истины – как правильно держать в руке циркуль-измеритель или как учесть высоту глаза наблюдателя при определении дальности видимости предмета, и разъяснял многосложные теоретические основы способов определения места судна. Он никогда не страдал узким практицизмом и, излагая тот или иной вопрос навигации, не ограничивался инструктивным предписанием – «Делай вот так», а всегда стремился показать проблему с разных сторон, чтобы слушатель глубже постиг ее сущность.

Поверхностное знание основ навигации или пренебрежение ими грозит серьезными авариями – так было, когда преподавал Гаврюк, так случилось и до наших дней.

4 мая 2008 года пассажирское судно «Мона Лиза», зарегистрированное на Багамских островах, село на мель в десяти милях от побережья Латвии, в Ирбенском проливе, который соединяет Рижский залив и Балтийское море.

Лайнер валовой вместимостью в 29 тысяч регистровых тонн и длиной 201 метр направлялся из Риги в Таллин. В момент аварии на его борту находились 984 пассажира.

По оценкам экспертов, причиной посадки на мель могло быть плохое знание района плавания или навигационные ошибки в счислении пути – словом, «сорок метров серости», как сказал бы Михаил Иванович.

Ранее «Мона Лиза» уже садилась на мель. Это происходило и в норвежских фиордах, и неподалеку от Венеции – всего, с момента ввода в эксплуатацию в 1966 году, не менее девяти раз. Как тут не вспомнить про пожарный шланг!

Ирбенский пролив уже не первый раз стал местом чрезвычайных происшествий. В январе 2007 года здесь также сел на мель мальтийский сухогруз «Ньёрск». Чиновники латвийской береговой охраны, прибывшие на сидящее на мели судно, обнаружили, что капитан и большая часть экипажа в момент аварии были пьяны. «Пьян в доску, и брюки в полоску», – сказал бы Гаврюк...

Морская наука не из тех областей человеческих знаний, где каждое сказанное слово навсегда остается в анналах. Может быть, в этом заключен трагизм научной деятельности в родной Михаилу Ивановичу сфере судовождения. То, что сегодня было новым и актуальным, завтра становится достоянием истории.

В начале своей карьеры ученого Гаврюк занимался разработкой насущно необходимых рекомендаций по обработке радиопеленгов. Прошли годы, и на место радиопеленгатора пришли более совершенные технические средства, к которым неприменимы рекомендации прошлых лет.

Потом Михаил Иванович, проявив незаурядную настойчивость, в деталях разработал теорию определений места судна по азимутам небесных светил для будущих навигационных систем, однако инженерная мысль пошла по иному пути, и блестящие математические выкладки Гаврюка так и не нашли приложения на практике.

Наконец, Михаил Иванович, подобно многим своим коллегам, увлекся разработкой программ для быстро входивших в обиход малых вычислительных машин – программируемых микрокалькуляторов, но прошло не так уж много времени, и его разработки, как и разработки других, более удачливых коллег, утратили актуальность, поскольку микрокалькуляторы уступили место персональным компьютерам.

Может быть, в душе Михаил Иванович переживал отсутствие собственного «персонального», так сказать, вклада в науку судовождения, подобного тем, которые внесли его старшие товарищи и коллеги. Их имена закреплены в названиях: таблицы Ющенко, метод Лескова, способ Кожухова... А именем Гаврюка ни таблицы, ни какой-либо метод так и не были названы. Впрочем, об этом Михаил Иванович никогда мне – да, думаю, и вообще никому – не говорил.

А скорее всего, профессор Гаврюк четко понимал, что работа на потребу сегодняшнего дня не

менее необходима и ответственна, чем попытка во что бы то ни стало закрепить свое имя в пухлом томе энциклопедии.

...Анкоридж – самый крупный город в штате Аляска. Два журналиста из нашей делегации договорились посетить издательство влиятельной местной газеты, а я решил поехать с ними. Транспорт – два автомобиля – нам предоставили представители принимающей стороны, а руководство делегации выделило нам в помощь переводчицу, с которой я оказался в одной машине. Переводчица Ирина, невысокого роста круглощекая девушка лет двадцати, судя по всему, отлично владела английским, и по дороге, просто чтобы скоротать время, я завязал с нею светскую беседу. Разумеется, я начал с того, где она так хорошо изучила язык. «Я учусь в герценовском пединституте», – ответила девушка. «Вот как? Значит, вы ленинградка?» – «Да, сейчас я живу в Ленинграде». Надо было что-нибудь спросить еще, чтобы продолжить беседу. «А где именно в Ленинграде вы живете?» – «На Богатырском проспекте, это в новом Приморском районе города, недалеко от Черной речки». – «Да, я слышал о таком, у меня там живет один хороший знакомый – Михаил Иванович Гаврюк». – «А это мой дедушка».

Мне трудно вообразить, какую фигуру изумления выразила моя физиономия. Встретить – где? – на Аляске, на соседнем сиденье автомобиля, – кого? – внуку моего ленинградского учителя Михаила Ивановича Гаврюка, – да это ни по какой теории вероятности невозможно! Потом я узнал, что наша встреча с Ириной стала предметом обсуждения на кафедре судовождения, которой заведовал профессор Гаврюк: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

В последний раз я встретился с Михаилом Ивановичем в Ленинграде – нет, уже в Санкт-Петербурге. Я передал Гаврюку посылочку с Камчатки, собранную его зятем. Мы выпили по рюмке коньяка, с удовольствием вспомнили былые времена, поговорили и об Иринке. Она вышла замуж – там, на Аляске. Ее мужем стал знакомый мне молодой и общительный американец, обладавший невероятной энергией и успешно строивший свою карьеру. У них родился сын – правнук моего учителя.

В следующий мой приезд в Петербург я узнал: безнадежно больной Гаврюк умирает. Я позвонил его жене, говорил какие-то нелепые, ненужные слова утешения, понимая их бессмысленность и бесполезность.

Теперь я уже намного пережил Михаила Ивановича.

Доверься умным гироскопам

До головной боли я засиживался в актовом зале, переоборудованном на время экзаменационной сессии в читальный зал. Я вновь и вновь вчитывался в строчки моего образцово-показательного конспекта; курсанты и из параллельной группы, и курсом старше выпрашивали его при подготовке к экзамену, и, чтобы они не забывали возвращать, я на обороте обложки написал крупными буквами: «Важно! Обязательно вернуть владельцу!» Но в этот раз я сам с трудом мог понять аккуратно записанное: «Уравнение живой силы... Что это такое – живая сила? Ни в курсе физики, ни в теоретической механике такое название не встречалось!» Я взял еще только что вышедший солидный курс по гироскопическим приборам. Сопоставляя математические выражения, сообразил, что, наверное, так наш лектор называл теорему о кинетическом моменте? Но почему он не назвал ее так?

А ведь это только первая страница моего конспекта...

Лекции нам читал Дмитрий Николаевич Иконников – всегда в форме инженер-капитана первого ранга; небольшой рост, коротковатые руки, крупная голова с высоким лбом и обширной лысиной, обрамленной узкой каймой белесого пушка у висков и на затылке. Когда читал лекцию, он был весь во власти математических символов, уравнений, рисунков и графиков, старательно вырисовываемых на классной доске, так что казалось, что аудиторию он вовсе не замечал. Всё, что он говорил, требовало напряжения мысли и постоянной опоры на пройденный ранее материал. Хотя, конечно, если заглянуть за забор математических формул, то, о чем рассказывал Дмитрий Николаевич, было очень интересно. Представьте себе с бешеной скоростью вращающийся волчок, подвешенный так, что на него не действуют никакие внешние силы, – так называемый свободный гироскоп. Оказывается, положение оси его вращения сохраняет неизменным свое направление в мировом пространстве! Под ним вращается Земля, а он, как указывал концом своей оси на какую-нибудь звезду, скажем, Спике – «альфу» из созвездия Девы, так и указывает и днем, и ночью, и сегодня, и через год...

К сожалению, толку нам от этого мало: ведь и мореплавателя, и пилота воздушного корабля интересует направление вовсе не на эту самую Спике, а на географический полюс нашей планеты, чтобы от этого направления отсчитывать курс корабля или самолета. Воздействие внешних сил создает прецессию – изменение положения оси гироскопа в

пространстве, а использующие ее свойства специальные приспособления заставляют ось гироскопа удерживаться в плоскости географического меридиана, превращая гироскоп или систему из нескольких гироскопов в гироскопический компас – сокращенно – гироскоп.

То есть «в общем и целом» всё было понятно, но запомнить всю математику, в которую облачена теория, настолько, чтобы воспроизвести ее на экзамене, было делом необычайно сложным, почти безнадежным.

Хотя посещение занятий было по училищному распорядку делом совершенно обязательным, на лекции Иконникова приходило все меньше и меньше курсантов: иногда из потока в полсотни человек приходили человек двадцать и менее того, вплоть до неполного десятка. Ни у какого другого лектора такой низкой посещаемости не бывало. Да и из тех, которые приходили, далеко не все внимали рассуждениям преподавателя. Лёвка Сухов, сняв рабочие ботинки, укладывался на скамью заднего ряда амфитеатра аудитории и сладко посапывал от звонка до звонка. Удивительно, что Дмитрий Николаевич никак не реагировал ни на пустоту аудитории, ни на вольное поведение слушателей. Я предполагал, что он не мог не заметить такого неуважительного отношения к излагаемому им предмету, но, похоже, органично присущая ему деликатность не давала вслух проявлять свое огорчение.

Зато на практические занятия по электронавигационным приборам приходили даже те, кто числился в суточном наряде и имел законное право пропускать их. Вел практику Игорь Александрович Блинов, кажется, в должности ассистента. Блинов безо всяких эмоций, ровным голосом зачитывал сведения об устройстве конкретных типов гироскопов, правилах их обслуживания и эксплуатации. Он подходил к тому или иному прибору и показывал, как тот функционирует или как с ним надлежит обращаться. В перерыве между первым и вторым часом пары Игорь Александрович уходил в преподавательскую, а мы, великовозрастные лбы, предоставленные самим себе, выделяли подчас детские шалости. Однажды щуплого Бориса Батыжманского засунули подбородком к коленкам в пустой нактоуз гироскопа – металлический резервуар цилиндрической формы, и закрыли сверху крышкой с прозрачным смотровым окошком, карабинчиками пристегнув ее к резервуару. В это время в аудиторию вошел Блинов. Как обычно, он рассказывал, прохаживаясь по помещению; все два десятка пар глаз напряженно за ним следили в предвкушении того, что должно произойти. Вот Игорь Александрович подошел к то-

му самому нактоузу и остановился возле него, продолжая рассказ; пальцами левой руки он машинально постукивал по стеклу смотрового окошка. Прошла минута, другая, третья – а преподаватель так и не опустил взгляд и не догадывался, отчего в обычно шумливой аудитории стояла мертвая тишина. Все сорок пять минут Борис просидел в нактоузе в этой крайне неудобной позе, и лишь когда прозвенел звонок и Блинов покинул аудиторию, карабинчики были расстегнуты и побелевший от пережитого Батыжманский был вытаскен из заточения.

На экзамен по электронavigационным приборам я шел с какой-то внутренней дрожью и ощущением противной сухости во рту. Семен Васильевич, заведующий лабораторией, большой знаток по части этих приборов, то и дело выходил из аудитории, где проводился экзамен, и снова заходил туда. Мои сокурсники о чем-то с ним шептались, я догадывался, о чем, но сам к нему не подходил: каким-никаким, а все-таки я был отличником. Подошла моя очередь. Меня дернул за рукав Сухов: «Второй билет слева не бери!» Я взял третий.

Не меньше часа я сидел, пытаясь вымучить ответ на первый вопрос «Баллистическая девиация второго рода». Ничего толкового ни вспомнить, ни вывести не смог. Помнил только, что график этой девиации напоминал улитку, но в какой системе координат – так и не сообразил. Мой жалкий ответ огорчил Дмитрия Николаевича: ведь он видел, что в моей зачетке все прочие оценки были «пятерки». Я выкарабкался из пропасти на втором вопросе – «Корректор двугирскопного компаса». Обосновать формулу, по которой корректор осуществлял свои функции, не составляло труда.

Иконников вписал в зачетку общую оценку – «удовлетворительно».

Пересдавать экзамен на повышенную оценку я не стал: ведь эта дисциплина шла и в следующем семестре, а в диплом выставлялась последняя оценка.

Спустя добрых два десятка лет мне попались «Невыдуманные рассказы» адмирала флота Советского Союза Ивана Степановича Исакова. Рассказывая о событиях 1917 года, адмирал упомянул Диму Иконникова, а в сноске к этой фамилии значилось: «Дмитрий Николаевич Иконников в описываемый период (апрель 1917 года. – **В.В.**) – лейтенант, флаг-офицер начальника 13-го дивизиона (эскадренных миноносцев Балтийского флота. – **В.В.**). Окончив штурманский класс, в октябре остался на «Изяславе». Позже – доцент, педагог, изобретатель и специалист по электронavigационным приборам, много сделавший для подготовки кадров и развития штурманского дела в Военно-Морском флоте».

Трудно было представить, что наш доцент, который не допускал ни одного отвлечения от заготовленного заранее текста лекции, ни одной шутки, обладал незаурядным чувством юмора. Он был знатоком совершенно необычных способов определения места корабля в море – например, «из опроса местных жителей».

А вот еще свидетельство адмирала Исакова:

«...Старший офицер... спросил флагманского офицера, знает ли он способ определения места корабля по корове?»

Оказалось, что Диму Иконникова не так-то легко уличить в недостаточном знании Балтийского театра: к немалому удивлению остальных, он ответил тоном первого ученика на экзамене:

– Так точно, знаю!.. При подходе с востока к Лапвикскому рейду на Лоцманском фарватере №2 имеется остров Ку Эн, что по-шведски означает Коровий остров. На него вывозят пастись корову, по которой и можно определиться. Смежные острова в шхерах – каменистые, без травы и для выгона не годятся».

...Одна из первых моих опубликованных научных работ как раз была посвящена учету тех самых баллистических девиаций второго рода...

А однажды в море, во время дальнего рейса, сами легли на бумагу строки, несомненно, навеянные не только воспоминаниями.

*Полярная звезда – царица Норда,
Означит на Земле меридиан.
Ты от него решительно и твердо
Проложишь курс в открытый океан.*

*Когда же налетят циклоны скопом,
Закроют звезды, тучи понесут,
Тогда доверься умным гирскопам,
Запаянным в сферический сосуд.
Без деклараций, мелодекламаций,
Осями деловито поведя,
В сумятице прецессий и нутаций,
Меридиан, они найдут тебя.*

*...Живу, кручусь, ругаюсь, беспокоюсь
И в спешке забываю иногда,
Что где-то есть и у меня свой полюс
И есть своя Полярная звезда.*

*Себе не тшусь воздвигнуть, как Гораций,
Нерукотворной бронзы монумент.
Но сбережет от пакостных нутаций
Добра гирскопического момент:*

*«Иди вперед, не застывая на месте,
Не прецессируй к подлости молчком».
Пусть гироскоп достоинства и чести
Вращается стремительным волчком!*

Возможно, читатель наморщит нос: подумаешь, стихи о гироскопах – какая же это поэзия?! «Procul este, profani – отойдите, непосвященные», – отвечаю я словами Вергилия.

Кошкин

Владимир Николаевич Кошкин. Я вижу его, высокого, подтянутого, с бледноватым лицом и глазами, которые я бы назвал стальными, если бы это не было такой банальностью. Его небольшие глаза как бы сверлили пространство, и если его взгляд попадал на тебя, непроизвольно хотелось встать навытяжку. Как ни стараюсь, не могу вспомнить его улыбающимся. Так естественно в его устах звучала не раз им повторенная фраза: «...будем выжигать каленым железом...» Верилось: он – выжжет.

Я даже написал стихотворение «под Маяковского», навеянное любимым изречением Владимира Николаевича:

*...Как будто и вправду кто-то прижжен
И в воздухе пахнет паленым:
Трибуна гудит, а с трибуны – он:
«Железом! Железом! Каленым!..»*

Стихотворение понравилось старшекурсникам, и я два раза читал его на курсантских вечерах, срывая аплодисменты.

Пора сказать, кто такой Владимир Николаевич Кошкин. В то время, о котором идет речь, Кошкин был начальником Высшего арктического морского училища имени адмирала Макарова Главного управления Северного морского пути при Совете Министров СССР (сокращенно – ВАМУ). Я нарочно привел полное название: мы, курсанты младших курсов, в подавляющем большинстве иногородние, не ленинградцы, спекулировали той его частью, где «при Совете Министров». В зимние каникулы (конечно, мы называли их «отпуском»), чтобы не стоять в огромных и почти безнадежных очередях к кассам Московского вокзала, нахально протискивали курсантский билет с этой шикарной надписью в окошечко кассы для генералов, адмиралов и Героев Советского Союза, где очередь была совсем маленькая. Странно, у меня в большинстве случаев это срабатывало, и я по-

лучал желанный билет на поезд, который повезет меня домой. Теперь-то я понимаю, что не золотое тиснение на зеленой корочке курсантского билета воздействовало на кассиршу. Просто ей, недавней блокаднице, было жалко мальчишку во флотской шинели, стремившегося попасть к маме, бабушке и бабушке, школьным друзьям.

Предшественником училища был Гидрографический институт Главсевморпути, созданный в Ленинграде в 1935 году. В 1945 году он был преобразован в училище, его ученики получили строевую организацию и стали уже не студентами, а курсантами. Учебные группы стали взводами, курсы – ротами, возглавляемыми кадровыми офицерами Военно-Морского флота. Курсанты находились на так называемом полном государственном обеспечении, то есть получали форму одежды, как у матросов, только без погон, жили поротно и повзводно в кубриках общежития с двухъярусными койками, по распорядку дня питались в училищной столовой. Во времена карточной системы на зимние каникулы выдавался сухой паек, с чем связана передаваемая из поколения в поколение история о том, как старшина роты, недавний фронтовик Игорь Блинов получил на всю роту бочку квашеной капусты. Он расположился с этой бочкой неподалеку от входа в училище и открыл торговлю: за миску то ли по рублю, то ли по пятерке. Спустя годы было неудобно спрашивать у профессора Блинова, почему он продавал квашеную капусту.

Училище размещалось в специально выстроенных зданиях на Малой Охте – малолюдной окраине города, одна из близрасположенных улиц и название носила подходящее – Глухая. Мой товарищ, с которым мы много лет спустя шли к ближайшей трамвайной остановке, с нескрываемым удивлением говорил: «А помнишь, мы тут на лыжах ходили по чистому полю, которое простиралось вот до той деревни?»

ВАМУ было небольшим по размеру учебным заведением с четырьмя специальностями, всего курсантов человек семьсот. Начиная с третьего курса, по одной группе гидрографов и одной группе штурманов-судоводителей отбиралось на спецфак – специальный факультет, готовивший офицеров для Военно-Морского флота. Курсанты этого факультета принимали военную присягу, получали погоны с якорем и белым кантом, а при увольнении в город должны были носить закрепленный у пояса большой палаш. Почему это громоздкое холодное оружие полагалось военным морякам и каково было его утилитарное назначение – для меня до сих пор загадка, как, думаю, в свое время и для них.

Кошкин всегда ходил одетым по форме, в кителе со стоячим воротником и широким шевроном – золотой нашивкой на рукавах. Нередко в зубах его была зажата трубка с длинным прямым мундштуком. Сразу было видно, что это суровый и мужественный человек, бывалый полярник. Говорили, что он окончил географический факультет Ленинградского университета, а потом работал в Арктике гидрологом и руководителем экспедиций. Начальником училища Кошкин был назначен с должности ученого секретаря Арктического института.

Однако среди скептички настроенных курсантов, невзлюбивших Кошкина именно за его бросающуюся в глаза суровость, ходил ехидный слухок, что кандидатскую диссертацию Кошкин защищал на тему «Миграция тюленей в Карском море». Эта тема почему-то среди нас считалась несерьезной, ненаучной, что ли. Однако более дотошные нашли в училищной библиотеке книгу «Ледовый патруль в Карском море», написанную Владимиром Николаевичем в соавторстве с неким Сомовым. Конечно, тогда мы не могли знать, что Михаил Михайлович Сомов был начальником дрейфующей полярной станции «Северный полюс-2» и что секретным указом ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но скептики не унимались. Они сочинили историю о том, как Кошкин вместе с начальником строевого отдела Очевым самовольщиков ловил. Чтобы нарушитель не распознал начальство по золоту погон и шевронов, они надели курсантские шинели и затаились в засаде за гранитными колоннами, обрамлявшими вход в училище. Ждать пришлось долго, на продувном ветру стражи вовсе промерзли. Самовольщики все не появлялись. Наконец обнаружилось какое-то шевеление. Караульщики бросились на перехват – и оказались в объятиях друг друга.

Это, конечно, байка. А вот такой случай произошел взаправду.

Единственный раз за все время учебы я опоздал на лекцию, и не я один, нас было, помнится, четверо. То ли завтрак задержался, то ли просто шли не торопясь. Ну не входить же в аудиторию, когда доцент Трояновский уже начал выписывать формулы на классной доске. Мы решили переждать до перерыва в пустующей аудитории, не очень сожалея об опоздании: лекцию потом перепишем. Валерка Спиридонов даже лег на скамейку, задрал ноги. Когда Кошкин с сопровождающими его лицами вошел в аудиторию – то ли они осматривали помещения по поводу предстоящего ремонта, то ли решали, куда новую мебель поставить, – он, конечно, удивился не меньше нас, но мгновенно совладал с охватившими его эмоциями. Приговор был суров и справедлив: в

наказание за пропуск занятий немедленно отправляться на завод деревянного судостроения, где ремонтируется училищная баркентина – трехмачтовое парусное учебное судно, и поступить на весь день в распоряжение старшего помощника капитана, которому нужны рабочие руки.

Завод находился на противоположном конце города, и мы добрались туда часа за полтора, не меньше. Старпом поручил нам вытаскивать из трюма и относить на берег гранитные балластыны, килограммов по сорок каждая. Вот уж была каторжная работа; мы быстро вымотались, и старпом отправил нас домой. Торопиться в училище не было смысла, кое-как добрались к ужину.

Владимир Николаевич читал у нас курс физической географии Арктики. Ему было легко вести эту дисциплину: Арктику он знал «живьем», а слушатели охотно воспринимали рассказ о местах своей будущей деятельности. В одной из рекреаций стоял большой глобус, точнее, та его часть, подобная срезанной макушке арбуза, которая охватывала высокие северные широты. Первокурсники то и дело подходили к нему со списками названий географических объектов, составлявших обязательный минимум по предмету, и отыскивали: Тикси, Певек, Нордвик, Айон, Буор-Хая...

Флаг-секретарем начальника училища, или, попросту, секретаршей, была молодая красивая женщина с печальным лицом и отражавшими голубизну бледного ленинградского неба глазами. Все курсанты старших курсов поголовно были в нее влюблены, но немногие знали, что она отдала предпочтение обаятельной улыбке одного из новых преподавателей. И уж вовсе никто из нас не знал, что и свою секретаршу, и этого преподавателя Кошкин взял на работу в училище, когда они, бывшая студентка и бывший аспирант, были изгнаны из университета с «волчьим билетом» по пресловутому «ленинградскому делу». Никто не принимал их как зачумленных, а Кошкин, сжав зубы до желваков, пошел на риск, прекрасно осознавая, чем это может для него обернуться.

Умер Сталин. Курсантов построили в актовом зале. Выступавшие повторяли одни и те же слова и выражения с одной и той же интонацией. Это напоминало шаманское камлание, вводившее соплеменников в гипнотический транс. Казалось, что в просторном и холодном зале стало нестерпимо душно; вот, закатив глаза, осел на пол спортивного сложения курсант Говш; вот соседи по строю подхватили потерявшего сознание грузного Балашова. Кошкин стоял словно с окаменевшим лицом. Не помню, выступал ли он, произнося обязательные слова. Но,

как теперь я знаю, его внутренний мир был закрыт наглухо, душа его, как форменный китель, была застегнута на все пуговицы.

Когда менее чем за два месяца до смерти Сталина вспыхнула антисемитская кампания в связи с так называемым «делом врачей», руководители других вузов стремились под любым предлогом избавиться от преподавателей еврейской национальности. Кошкин, несмотря на мощный нажим и сверху, и снизу, никого из «своих евреев» не уволил и пресек любые попытки впустить в училище погромный душок.

А вскоре после смерти Сталина последовало решение об объединении нашего училища с Ленинградским высшим мореходным училищем в единое учебное заведение. Начальником объединенного училища был назначен Кошкин, который, как считалось, мог поддерживать более высокую дисциплину, чем бывший начальник высшей мореходки.

Процесс слияния проходил нелегко – конечно, не для нас, курсантов, – какая нам была разница в вывеске! Привыкшие к большей вольности курсанты бывшей мореходки охотно подхватили шутовское название «Кошкин дом», вкладывая в него – по жестокосердию молодости – далеко не всегда лишь юмористический смысл. Сотрудники училища восприняли реорганизацию болезненно: при слиянии одноименных факультетов, кафедр и лабораторий из двух заведующих руководителем оставался только один, кто-то был понижен в должности, а кто и вовсе уволен. Любое решение на этот счет вызывало открытое недовольство пострадавшей стороны.

Кошкин оставался начальником училища в течение двенадцати лет. Его сосед по «Дому полярников» на улице Восстания, 53, рассказал мне, что в последние годы жизни Владимир Николаевич был тяжело болен, пребывал в неподвижности, совершенно беспомощный и лишенный речи.

С чем ушел от нас этот замкнутый в себе, жесткий с виду человек? Справедливы ли были в отношении к нему современники, вроде известного полярника Артура Чилингарова? Рассказывая, как при своем поступлении в училище он был на приеме у Кошкина, тот не нашел ничего лучшего, как назвать училище «Кошкиным домом». Когда Кошкин предложил ему поступать на арктический факультет, он нагло вато сказал, что, по крайней мере, будет начальником этого училища, на что Кошкин, дескать, сделал квадратные глаза. А не получи Артур этого предложения – стал бы он тем самым знаменитым Чилингаровым, Героем Советского Союза и Героем России?

Пятый знак логарифма

Что за хитрая наука – сферическая тригонометрия! Сплошные синусы да косинусы, да еще и тангенсы с котангенсами. А без них в астрономии – ни шагу! Недаром же на потребу астрономам еще в XV веке знаменитый Региомонтан составил таблицы тригонометрических функций – бери да решай свои сферические треугольники.

Но не тут-то было. Вы пробовали перемножить три шестизначных числа? Столбиком, разумеется? А потом повторить эту операцию еще три раза? Что, листок бумаги чуть не весь исписали, а в цифрах едва не запутались? Вот то-то и оно. А теперь представьте себе, что расчеты вы выполняете не в учебном классе и не в кабинетной тиши, а в штурманской рубке измотанного жестокой качкой корабля, когда и на ногах-то устоять трудно, не зацепившись за что-нибудь. А ведь нужно еще и за окружающей обстановкой следить, чтобы не столкнуться с какой-нибудь встречной посудинкой, на которой такой же штурман мучается в такой же рубке, перемножая синусы на косинусы. К тому же морской устав гласит: вахтенный помощник капитана может удалиться из рулевой в штурманскую рубку для выполнения необходимых расчетов только на непродолжительное время, обеспечив на время своего отсутствия необходимое наблюдение за горизонтом. А как его обеспечить, да еще при сокращенном экипаже?

А теперь представьте себе, что шестизначные числа нужно не перемножать, а складывать друг с другом. Что, полегчало? Вот для этого как раз и придуманы логарифмы: их использование во много раз уменьшает трудоемкость вычислительной работы. На чем бы еще выиграть? А что если взять не шестизначные, а пятизначные логарифмы? Тогда при определении места судна по высотам двух небесных светил экономия будет в 26 цифр! А если четырехзначные – тогда еще 26! А меньше цифр – это не только экономия времени, это еще и снижение вероятности появления промахов, просчетов в вычислениях! Не зря знаменитый академик корабельной науки Алексей Николаевич Крылов говаривал: «Неверная цифра – ошибка, лишняя цифра – половина ошибки».

На чем бы еще выиграть? Может быть, трехзначные логарифмы использовать? Но – стоп, стоп! Снижение значности таблиц логарифмов тригонометрических функций на один знак снижает точность результата в десять раз. Вот тут-то и заковыка: а какая точность нужна? Тот же академик Крылов сформулировал железное правило: «Точность

вычислений должна соответствовать точности выполняемых наблюдений». Лишние цифры в расчетах – мусор, от которого надо избавляться.

Все это я представлял, хоть и довольно приблизительно, когда выбирал тему дипломной работы. Название темы ничего не говорило непосвященным. Если вкратце, то я должен был сопоставить различные математические таблицы, используемые для вычислений, которые приходится выполнять при определении места судна в море по наблюдениям небесных светил, и выработать соответствующую рекомендацию.

Получив от руководителя задание на выполнение работы, отправился искать рекомендованную им литературу.

Первой в списке стояла «Мореходная астрономия» Н.Н. Матусевича.

О Матусевиче я уже кое-что знал из книги «Русские мореплаватели», которую еще на втором курсе купил не без колебаний: ведь она стоила половину той части моей стипендии, которая оставалась после вычета добровольно-принудительной подписки на очередной заем развития народного хозяйства. В толстой книге были перечислены многочисленные титулы Николая Николаевича: инженер-вице-адмирал, профессор и прочая, прочая... Молодым человеком он участвовал в русско-японской войне, окончил после войны Санкт-Петербургский университет, как геодезист и астроном стажировался в Пулковской обсерватории... А потом руководил гидрографическими работами на северных морях.

«И всё? – удивился я, перечитывая эту короткую справку. – Даже мне, курсанту-дипломнику, известно, что профессор Матусевич многие годы преподавал и в Ленинградском университете, и в гидрографическом институте, и в военно-морской академии. А в конце жизни возглавлял кафедру у нас, в Высшем арктическом морском училище. Не зря же в кабинете астрономии висит его большой портрет».

Художник старательно выписал на погонах профессора по две больших звезды и поперечный зигзаг адмирала в отставке. Портрет отображал благородство интеллигентного лица Николая Николаевича, его высокий чистый лоб, взгляд через крупные очки, обращенный на удерживаемый в руке звездный глобус, и ироничную улыбку, значение которой я разгадал не сразу. На глобусе чего-то не хватало: ну да, конечно, вот чего! Звездный глобус, обязательный предмет штурманского вооружения любого морского судна, должен быть снабжен приспособлением для отыскания положения светила относительно горизонта. Это приспособление состоит из основания – латунного

кольца и двух полуколец, перпендикулярных по отношению к основанию и друг к другу, так что получается конструкция, как бы изображающая каркас короны русских царей – шапки Мономаха. Вряд ли и тогда, и вплоть до наших дней, и в будущем найдется курсант, который при изучении звездного глобуса не примерил бы эту «корону» на свою голову. Наверное, эту неписаную традицию и вспоминал Николай Николаевич, позируя художнику.

В библиотеке мне уважительно вручили увесистую книгу, напечатанную на пожелтевшей бумаге, напоминающей оберточную. Место и год издания – Петроград, 1922-й. Вспомнилось прочитанное где-то: «Год большого голода, холода, разрухи во всем». И в этой разрухе выходит солиднейший труд Николая Матусевича, предназначенный не столько для современников (какой тогда флот был у истерзанной гражданской войной страны?), сколько для будущих поколений капитанов и штурманов.

Следующим в списке значился журнал «Записки по гидрографии», кажется, за 1936 год. Конечно, в училищной библиотеке его не было, но доброжелательный старичок-заведующий подсказал мне: «А вы обратитесь на кафедру гидрографии, туда передана библиотека профессора Максимова».

Георгий Сергеевич Максимов при жизни был училищной достопримечательностью. Пока еще существовали персональные звания Главсевморпути, он носил китель с нашивками генерал-директора второго ранга – выше, чем у кого бы то ни было в училище! Профессор, похожий на грузного моржа, крохотными шажками семеня вдоль коридора, вызывавая почтительный шепот старшекурсников: «Отец русской гидрографии...»

Конечно, у него были основания по праву носить этот негласный титул.

Его отцом был известный писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов, медик по образованию. А сын решил стать моряком. Георгий Максимов, начавший свой путь на флоте мичманом, служил на кораблях и в гидрографических экспедициях и на Дальнем Востоке, и на Севере, и на Балтике. В начале Первой мировой войны за отличие был произведен в полковники корпуса гидрографии и назначен на ответственный пост начальника отдела Главного гидрографического управления. После октября 17-го был директором учреждения со странно звучащим для современного уха названием Убекобалт – Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Балтийском море.

В нашем училище Максимов возглавлял кафедру гидрографии. К тому времени, когда я мог видеть Георгия Сергеевича, он уже не читал лекций, а толь-

ко консультировал аспирантов, приобщая их к высотам своей науки.

В библиотеке, завещанной им родной кафедре, я быстро нашел нужный номер журнала. Искомая статья была подписана фамилией «Мусселиус». «Интересно, – подумал я, – кто же мог носить такую необычную фамилию?»

Ответ на заданный самому себе вопрос я получил только через много лет.

Максимилиан Максимилианович Мусселиус происходил из служивой дворянской семьи, предки которой были выходцами из Швеции. В его роду старшему сыну всегда давали имя Максимилиан. Получив прекрасное образование в Царскосельской гимназии и Санкт-Петербургском университете, участвовал в экспедициях на севере Сибири, служил в царской, а потом в Красной армии, а в 1920 году был переведен в Убекобалт, где линия его жизненного пути пересеклась с линией Георгия Сергеевича Максимова. Так Мусселиус стал «военмором» (военным моряком) на должности «стапро» (ну и аббревиатуры того времени!) – старшего производителя гидрографических работ. С 1925 года Мусселиус работает в Пулковской астрономической обсерватории, где занимается созданием и наладкой установок Службы времени, надзором за ходом часов и передачей сигналов времени.

В 30-е годы Мусселиус читал курс мореходной астрономии в Ленинградском военно-морском училище и не мог пройти мимо проблемы, заинтересовавшей меня два десятка лет спустя. В апреле 1936 года он на преподавательском семинаре представил доклад на тему, которая теперь стала темой моей дипломной работы. Коллеги Максимилиана Максимилиановича по кафедре отметили, что этот вопрос «неоднократно обсуждался в различных учреждениях, но какого-либо определенного решения нет. В военно-морском училище этот вопрос преподавателями толкуется различно. Необходимо установить определенную точность вычислений, которой нужно будет руководствоваться. Доклад, сделанный преподавателем Мусселиусом, очень ценен по содержанию, дает оригинальное исследование этого вопроса». Мусселиусу было предложено обработать материал и опубликовать в соответствующей литературе.

Судьба Максимилиана Мусселиуса трагична, как и судьбы многих выдающихся людей своего времени. Как раз тогда, когда он делал доклад в военно-морском училище, в недрах НКВД приступили к разработке сценария так называемого «пулковского дела», коснувшегося астрономов, геологов, геофизиков и математиков Ленинграда, Москвы, Кие-

ва, Ташкента и других городов. Среди ученых началась волна арестов. Их обвиняли в «участии в фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации». Среди прочих обвинений астрономам вменялось в вину вредительство в форме саботажа наблюдений солнечных затмений.

Осенью 1936 года было арестовано несколько ведущих пулковских астрономов, а в феврале 1937 года был арестован и Мусселиус, всего полгода занимавший должность ученого секретаря обсерватории. Кого-то из осужденных астрономов приговорили к расстрелу, кто-то умер в тюрьме, а Мусселиус получил 10 лет заключения. Однако в тюрьме он не просидел и года: 17 января 1938 года «тройкой» НКВД он был приговорен к расстрелу с формулировкой «за систематическую контрреволюционную троцкистскую агитацию среди заключенных Вологодской тюрьмы».

Последней в моем списке рекомендованной литературы значилась недавно защищенная кандидатская диссертация Хурсина. «А кто такой этот Хурсин? Хорошо бы мне с ним встретиться, – намекнул я своему научному руководителю, – проконсультироваться, посоветоваться. Вы не скажете, как с ним связаться?» Оказалось, что Хурсин защитил диссертацию и уехал в свой Калининград – там он преподает в военно-морском училище. Значит, лично встретиться с ним не получится. Снова иду в библиотеку. Диссертации на дом не выдаются, с ними можно работать только в читальном зале.

Ого! Ну и понаписал этот Хурсин! Я даже прочесть-то все не успею, не то чтобы толком разобраться. Торопливо переписываю страницы громоздких формул диссертанта, не особенно вдаваясь в их обоснование – время не ждет!

На преддипломную практику я взял с собой полдюжины разных таблиц. «Мореходную астрономию» Николая Николаевича Матусевича штудировал не только потому, что она была нужна для диплома, но даже просто как увлекательное чтение. Многие страницы книги были посвящены таким нюансам штурманской работы, о существовании которых я и не подозревал. Например, с какого места на судне надо производить измерения высот светил в зависимости от условий видимости. При низкой дымке, когда горизонт «плохой», спускайся на палубу, а если можно – даже на нижнюю площадку вываленного за борт парадного трапа, а при ясной погоде, когда горизонт «в ниточку», – поднимайся повыше, хоть на верхний мостик. Матусевич рекомендовал научиться при сложении многозначных чисел «столбиком» записывать цифры сумм не справа налево, как учат в школе, а слева направо, от высших разрядов к низ-

шим. Подумаешь, какой пустяк, но с каждой прочитанной страницей я все глубже постигал истину: «В штурманской работе нет мелочей».

Мореходные таблицы являются официальным изданием, предназначенным для решения навигационных и астрономических задач. В России они издавались с 1870 года и содержали тогда шестизначные логарифмы тригонометрических функций, что считалось оправданным, так как до появления радиосигналов точного времени штурмана были вынуждены производить высокоточные береговые наблюдения, а их обработка требовала адекватной точности вычислений. А потом, начиная с 1903 года, в мореходных таблицах использовались четырехзначные логарифмы, и вопрос об их пригодности не возникал до исследований Мусселиуса.

В таблицах 1943 года четырехзначные логарифмы были сохранены, но наряду с ними профессор Ющенко включил в пособие принципиально новые, разработанные им таблицы для решения задач мореходной астрономии по предложенной им системе формул. А в таблицах 1953 года вместо четырехзначных появились пятизначные логарифмы. Проверкой обоснованности этого новшества я должен был, в основном, заняться. Иначе говоря, опытным путем определить – нужен пятый знак или не нужен.

В плавании я измерял высоты светил над морским горизонтом и каждое измерение обрабатывал пятью разными способами: двумя – по четырехзначным таблицам, двумя – по пятизначным, а также по таблицам профессора Ющенко.

А чтобы было с чем сравнивать, я прихватил с собой в рейс еще шестизначные таблицы Бремикера и семизначные таблицы Вега. С ними было приятно работать, потому что цифры в них выглядели особенно красиво, не как в других изданиях: у нечетных цифр хвостик обязательно спускался ниже основной строки, а у четных – поднимался выше нее.

Кроме того, на судне оказались еще и американские таблицы, предназначенные для решения той же самой задачи. Они восхищали своей простотой – никаких тебе логарифмов или тригонометрических функций. Правда, для использования в любом месте Мирового океана нужно было иметь девять томов таких таблиц и к тому же измерения высот не всех звезд можно было с их помощью обрабатывать.

Результаты выполненных мною в двух океанах наблюдений и вычислений в основном подтвердили соответствие практике теоретических выводов Матусевича, Мусселиуса, Хурсина. Конечно, я понимал, что моя дипломная работа – это даже не вклад

в науку, а лишь кирпичик в здании моей профессиональной подготовки, но все-таки в душе сожалел, что судьба обошлась с нею несправедливо. Работу из архива кафедры астрономии выкрал мой земляк, учившийся курсом младше, и беззастенчиво передрал ее выводы, не заботясь о доказательной базе.

Два десятка лет спустя я попал в город Киев, на семинар, посвященный психологическим проблемам коллективной деятельности. Проглядывая программу, я обратил внимание на знакомую фамилию последнего докладчика – Хурсин. «Надо же, – подумал я, – такая редкая фамилия, никогда после выполнения дипломной работы мне она не встречалась. И инициалы – Л.А. – помнится, у «моего» Хурсина были такие же. Впрочем, каких только совпадений не бывает».

Но червь сомнения продолжал подтачивать мое воображение, и я с нетерпением ждал последнего доклада.

Докладчик был чем-то похож на сказочный персонаж – Оле-Лукойе или папу Карло, как мы себе обычно их представляем. Леонид Александрович (так звали Хурсина) сообщал совершенно необычные вещи, имевшие, как мне казалось, отдаленное отношение к теме семинара. Он рассказывал, что разрабатывает единую теорию систем общественного и физиологического типа, исследует характеристики фонемных систем – единиц звукового строя языка, что ему удалось вывести формулу многообразия Мира (да, да, Мира с большой буквы!), а развитие техники он рассматривает как информационный процесс. Бурный поток неожиданных сведений смутил слушателей, по преимуществу управленцев, занимающихся на производстве кадровыми вопросами; ничего не понимая, они из вежливости делали вид, что внимательно слушают.

В перерыве я подошел к Леониду Александровичу. Да, это был он, тот самый военный моряк. Он давно демобилизовался, вернулся в город своего детства и здесь, оставив в прошлом мореходную астрономию, занялся новейшими науками. Его труды опубликованы в солидных изданиях научных институтов и Академии наук. Как он был обрадован нашей встрече! Какое-то время мы переписывались, а потом потеряли друг друга.

Прошло еще три десятка лет. Теперь не то что капитан океанского лайнера – любой автолюбитель может установить на приборной панели своей машины маленькое устройство размером едва ли не в пару спичечных коробков, которое будет показывать ему местонахождение и предупреждать, сколько метров осталось до поворота. Водителю, в общем-то, совсем ни к чему знать, какая математика заложена в схему этого прибора.

А мне все-таки жаль и мореходную астрономию, и таблицы для расчета высот и азимутов светил, и пятый знак логарифма. Я вспоминаю о них с нежностью, как вспоминают детство и ушедшую молодость...

Ключик

По ледовой площадке катка, залитого во дворе училища, на бешеных скоростях носились хоккеисты, при каждом удачном броске подбадриваемые шумными возгласами зрителей – курсантов, бредущих из столовой в учебный корпус. Особенно выделялся один хоккеист, нападающий высокого роста; казалось бы, тяжеловатый, он лихо владел клюшкой и громко выражал свой восторг или переживание от неудачи товарища: «Ну куда ж ты бил, вот они, ворота, туда надо бросать!..» И он так театрально разводил руками, выражая сожаление, что «мазиле» становилось неловко и тот спешил исправить свой промах. На курсанта высокий нападающий был мало похож; он был фронтовиком, о чем свидетельствовал шрам на пробитой пулей щеке, а фронтовики к этому времени уже завершили курс наук. «Аспирант», – подсказал кто-то из зрителей. Ну, аспирант так аспирант. Я тогда толком не представлял, что это такое.

Когда начался весенний семестр, на лекцию по морскому делу вместо доцента Николаева, который вел занятия в предыдущем семестре, в аудиторию вошел высокий молодой человек – мы его сразу узнали по шраму на щеке. Юрий Маркович Филиппов – так звали нового преподавателя, – уверенно владея указкой, как клюшкой на хоккейном поле, рассказывал об устройстве спасательной шлюпки, всё разъясняя в деталях: весла вальковые и распашные, банки (это скамейки в шлюпке так называются), воздушные ящики, рыбинсы – щиты из реек под ногами гребцов, фалини – концы, закрепленные за носовой рым... Мы старательно записывали, списывали с классной доски то, что там рисовал преподаватель, а Юрий Маркович заглядывал в наши тетради – следил, чтобы мы успевали, при необходимости повторял, обращаясь как бы к каждому в отдельности, и его серьезная обстоятельность при изложении этих, в общем-то, весьма нехитрых вопросов передавалась слушателям.

Вот, наконец, позади и семестр, и экзаменационная сессия с ее тревогами, радостями и огорчениями, а нас ждет плавательная практика – первая в нашей жизни. Собираем нехитрые курсантские пожитки и едем на Васильевский остров, туда, где напро-

тив Горного института отшвартована к стенке набережной красавица «Альфа» – учебное парусное судно нашего училища. Руководителем нашей практики назначен Юрий Маркович. Пока «Альфа» готовится к выходу в море, мы осваиваем искусство подниматься на высокие мачты. Строгий боцман и подгоняет нас, и показывает, как надо водить кистью при покраске металлических поверхностей, и прочее, прочее... Юрий Маркович потребовал, чтобы каждый из нас ежедневно делал записи в своем дневнике практики: какие работы выполнял, какие вахты стоял, чему научился. Большинство отнеслось к этому требованию как к скучной обязаловке, а меня повело на лирику. Каждый раз я исписывал, пожалуй, не меньше полстраницы, писал и о прелести впервые увиденных – нет, впервые пережитых белых ночей, о блеске купола Исаакия и Адмиралтейской иглы, о марсианских хитросплетениях кранов там, на противоположном берегу Невы, на причалах судостроительного завода. Хотя к программе практики всё это имело весьма отдаленное отношение, требовательному руководителю мои записи нравились, и он не записал мне ни одного замечания, а только оставлял под ними аккуратную подпись остро заточенным красным карандашом.

Выход в море, впервые ставим паруса, помощники капитана и боцман – командиры мачт подгоняют нас еще непривычными, но ласкающими слух командами: «На фалах и ниралах стоять! Пошел марса-фал, шишка, забегай!» «Шишка» по-старинному – первый бурлак в ляжке, а в нашем случае – курсант, который первым в линии тянет тяжелую снасть; когда он доходит до установленной черты, то перебегает в конец этой линии («забегает») и становится последним. И так забегает каждый последующий, ставший первым.

«Альфа» подолгу стояла в порту Вентспилс, у старого причала. Место было удобно тем, что на широкой реке Венте можно было беспрепятственно ходить на шлюпках и на веслах, и под парусом, выполняя программу практики. Юрий Маркович, распределив практикантов по отделениям, отрабатывал с нами правила управления шлюпкой, начиная с выполнения простейших команд – «Уключины вставить. Весла разобрать». Всё получалось не сразу: неразворотливый Юра Зорин не успевал сделать гребки по счету «и – раз, и – два», а шепотной Женька Зыков, наоборот, пытался опережать команду, сбивая ритм гребли. Наш руководитель снова и снова терпеливо повторял объяснение, даже сам пересаживался с места командира шлюпки у румпеля на банку загребного и показывал, как надо резко и отрывисто заносить лопасть весла к носу шлюпки по

команде «раз», и протяжно командовал «два», откидываясь при гребке всем корпусом назад.

Нельзя было не обратить внимание на какую-то особенность взгляда нашего наставника. Юрий Маркович был, в общем-то, не намного старше нас, но смотрел на нас, как смотрит взрослый конь на резвящихся вокруг жеребят, одновременно и с одобрением, и с сожалением о том, что его пора беспричинного веселья уже минула. Мы все были дети недавно прошедшей большой войны, и какого бы лиха ни хлебнул каждый из нас в круговерти огненных лет, детская память многое сгладила. А он был старше нас на целую войну, в которую судьба бросила его наскоро обученным лейтенантом командовать такими же мальчишками, как мы сейчас. На его глазах их тела разметывало взрывами на куски, пробивало пулеметными очередями, и он хоронил их без гробов и воинских ритуалов даже не в вырытых наспах ямах, а в воронках от тяжелых гаубичных снарядов, кое-как присыпав землей. Он глядел на нас и словно видел тех, не доживших до мирных дней солдат, даже фамилий которых не запомнил. Он не знал и не мог знать, как сложатся наши судьбы, но жалел и Женьку Зыкова, который спустя всего три с половиной года погибнет в Антарктиде при обвале ледяного барьера, и Виктора Никитина, который первым среди нас станет капитаном и сердце которого не выдержит переживаний от бандитского нападения в начале 80-х, и Генку Хохлачева, который станет младшим редактором ведомственного издательства и рано уйдет из жизни, спившись с круга...

Юрий Маркович учил нас морской сигнализации – ручному семафору, в котором каждое положение вытянутых рук соответствует определенной букве алфавита. Его длинная фигура с флажками, то поднятыми вверх, то разведенными по сторонам, напоминала дядю Степу из книжки Михалкова. Он показывал, что руки не согнуты в локтях, и от нас требовал того же. Генка Андреев еще до практики вызубрил семафорную азбуку, и у него переговоры с ее помощью всегда проходили на «отлично». А Лёвка Сухов, не желавший уступать ему первенства, выучил единственную фразу из «Двенадцати стульев»: «Варвара самка ты тебя я презираю», которую и передавал с бешеной скоростью, естественно, без знаков препинания.

Азбуку Морзе я знал наизусть еще с младших классов школы и поэтому обрадовался возможности взять реванш у Сухова, когда Юрий Маркович принес в наш кормовой отсек телеграфный ключ с электрическим шнуром и лампочкой, стекло которой было замазано красным. «Вот вам ключик, тре-

нируйтесь – один на передачу, другой на прием». Но Лёвку с его ядовитейшим языком на мякине не проведешь. С этого момента слово «ключик» в его устах стало прозвищем нашего преподавателя. «Иди, тебя Ключик вызывает», «Ключик велел всем собраться на полубаке» и даже: «Вчера я вахтенным у трапа стоял, так Ключик пришел со старпомом с берега и шел по сходне прямо-прямо, а когда старпом хотел подхватить его под руку, Ключик даже обиделся». Так говорил Сухов, а следом за ним стали за глаза называть Юрия Марковича Ключиком и другие.

Три «угла» на рукаве – значит, я курсант третьего курса. По коридору училища движется навстречу мне длинная фигура Ключика – тьфу, Юрия Марковича: «Знаешь, Володя, оказывается, тензорное исчисление – замечательная штука!» Насчет тензорного исчисления я еще не успел сообразить, а вот домашнее «Володя» вместо уставного «товарищ курсант» или «курсант Вейхман», как обращались ко мне все преподаватели училища, сразу придало теплый, почти семейный настрой нашей беседе.

«Понимаешь, оказывается, всю теорию ошибок навигационных измерений можно описать одним тензором, а все конкретные виды измерений будут всего лишь его частными проявлениями!» Я ровным счетом ничего не понял, но ощутил, что наш Юрий Маркович сделал какое-то открытие, которое, если не облагодетельствует все человечество, то, по крайней мере, перевернет его, Ключика, судьбу.

Время показало, что я не ошибся. В последующие годы одна за другой выходили его монографии, насыщенные такой математикой, которая не всякому специалисту по зубам. Юрий Маркович стал кандидатом, затем доктором технических наук, профессором, заведующим кафедрой высшей математики родного училища...

Все знали, что банкеты после защиты диссертации запрещены, но мало кто считался с этим запретом. Впрочем, приличия ради, эту коллективную выпивку стали называть «товарищеским ужином». Так было и в этот раз, после защиты кандидатской моим хорошим товарищем. В тесной ленинградской квартире собралось нас пять человек: сам соискатель ученой степени, его научный руководитель, два официальных оппонента и я. Одним из оппонентов был мой старый знакомый, Ключик – Юрий Маркович. Конечно, тосты были произнесены и за успешную защиту, и за здоровье соискателя, и за профессора – его наставника, и за каждого оппонента в отдельности. С каждым новым тостом под хорошую закуску атмосфера все более разогревалась, собеседники перебивали друг друга, вспоминали прошлое; у нас-то с Юрием Марковичем было что вспом-

нить: порт Вентспилс, баркентину «Альфа», ее старшего помощника Бориса Васильевича Веселова, будущего капитана немагнитной шхуны «Заря», с которым наш руководитель практики запоздно возвращался с берега. Попутно выяснилось, что мы, тогдашние курсанты, тоже порой возвращались запоздно, но всегда следили, чтобы наши пути не пересекались с путями старших товарищей.

Когда теплота нашего общения достигла высокого градуса, настала очередь хорового пения. Юрий Маркович вел мелодию сильным и чистым баритоном, а вскоре все остальные умолкли, предоставив ему возможность солировать, исполняя арии из оперетт:

*Мой любимый старый дед
Прожил семьдесят пять лет...*

Вот и я прожил семьдесят пять лет... А Юрий Маркович хороший был человек. Душевный.

История с географией

«Читтагонг – порт в Бенгалии, в 15 километрах вверх по реке от Бенгальского залива... Основу грузооборота составляют джут, хлопок, лес...» Представляю себе – влажность чуть ли не самая высокая на всем земном шаре, гнилой запах джунглей, дымящийся химический завод... Нет, не самое лучшее место. Зато название какое красивое: сначала, как щелчок пастушьего хлыста – «читта!», а потом звонкое – «гонг!».

Нет, не об этом надо думать на лекции. А удастся ли мне побывать в этом Читтагонге? Это раньше, когда наше училище входило в систему Главсевморпути, шансов было ничтожно мало, а теперь, после объединения с высшей мореходкой, все пути в Мировом океане перед нами открыты, в том числе и в этот самый Читтагонг.

Когда слили воедино наши училища, оказалось, что их учебные планы не совпадают. И у нас, в группах «моржей» (так прозвали «торгаши»-мореходы курсантов, учившихся в высшем арктическом), нужно дополнительно прочитать географию морских путей. Читать этот курс пригласили из института водного транспорта доцента Крашенинникова Всеволода Георгиевича. Он был у нас совместителем, на лекции приходил в форме, принятой на речном флоте, в кителе с погонами с непривычным зеленым кантом и какими-то звездами, неизвестно какой чин означавшими. Доцент Крашенинников, худощавый, с глубокими залысинами, поражал какой-то внут-

ренней интеллигентностью, к которой были непривычны курсанты второго курса, в большинстве приехавшие из самой что ни на есть провинции и еще не проникшиеся питерской духовной настроенностью. Что греха таить, да и кругозор у большинства из нас был довольно узкий, но фамилия нашего лектора что-то зацепила в памяти, однако что именно, мы осознали далеко не сразу.

Кто-то из преподавателей просветил нас, разъяснив, что доцент Крашенинников является прямым потомком Степана Петровича Крашенинникова, да, да, того самого «академии студента», который пешком исходил весь неизвестный миру полуостров и составил ценнейший географический, этнографический и исторический труд «Описание земли Камчатки». Этой книгой в последние месяцы жизни зачитывался Пушкин, делал выписки, как будто собираясь вослед за автором отправиться в страну вулканов, кишящих лососем бурных рек с чистой горной водой, таежного бурелома, в котором бродят огромные медведи. За неделю до роковой дуэли Пушкин записывает: «Камчатка – страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвеваят ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы».

Всеволод Георгиевич унаследовал от далекого пращура любовь к познанию, талант географа, великолепное владение родным языком. Слушать его лекции было всегда интересно, и предстоящий экзамен, казалось бы, никого не страшил, хотя он и был последним, шестым по порядку в эту экзаменационную сессию. Сразу после экзамена нам предстояло отправиться на учебную практику, которая – мы уже знали – будет проходить в Арктике, на судах ледового плавания.

Накануне экзамена после ужина я отправился пройтись по нашей Малой Охте, а потом рано лег спать, не обращая внимания на то, что кубрик был почти пустой – наверное, зубрилки забыли древнее студенческое правило: «Перед смертью не надыхишься». Приятная усталость после пешей прогулки взяла свое, и я погрузился в безмятежный, как в младенчестве, сон.

Утром, придя в учебный корпус, я никак не мог сообразить, что происходит. Экзамен еще не начался, хотя говорили, что доцент Крашенинников уже при-

ехал и прошел то ли в деканат, то ли в приемную начальника училища. Товарищи по группе ничего объяснить не могли; кто-то сказал, что лаборантка не смогла открыть дверь кабинета географии – не то сломан замок, не то в замочную скважину забита бородка ключа, а головка его отломана. Вызванный слесарь пришел со своим инструментом, повозился и открыл дверь, сказав, что замок надо заменить. Все эти события меня мало беспокоили – ну вот, наконец-то экзамен начнется. Но он все не начинался, продолжалось какое-то хождение туда и сюда: то вышла из кабинета побледневшая лаборантка и куда-то отправилась, то сбились в кучки мои товарищи, лица одних из них выражали озабоченность, а других – как и у меня, непонимание происходящего. Время тянулось все так же бестолково.

Наконец меня и Олежку Плесовских вызвали к начальнику училища. Какие-то намеки насчет происходящего уже носились в воздухе, и вызов нас с Олегом вместе подтверждал возникшие у меня предположения: Олег был комсоргом учебной группы, а я – секретарем комсомольского бюро курса.

В аудитории, кроме начальника училища, находился его заместитель по политической части, а в сторонке – доцент Крашенинников, по всему видно, очень озадаченный происходящим.

Не помню, что именно говорил начальник училища, но смысл его речи был такой: он не допустит круговой поруки и каленым железом будет ее выжигать, а мы, как комсомольские руководители, должны сказать, кто это сделал. Его поддержал замполит, обратившись к нашей комсомольской совести, но мы-то честно не знали не только кто «это» сделал, но и что именно «это»? Сломал ключ, что ли?

Замполит, видимо, поверил, что мы действительно не знали, что именно произошло, и сказал, что какие-то курсанты («конечно, из вашей группы, больше никому») подобрали ключ к двери кабинета географии, проникли туда, достали из ящика письменного стола экзаменационные билеты и испортили их, пометив разными значками. А уходя, сломали ключ, оставив бородку в замочной скважине. Что-то не связывалось в этой версии самодельного следствия: если злоумышленники смогли открыть дверь ключом, то почему они не смогли тем же ключом закрыть ее?

Олежка, как и я, вправду не знал, кто это сделал: он, один из двух-трех ленинградцев в нашей группе, готовился к экзамену дома и приехал в училище только к началу экзамена.

Похоже, наши следователи сообразили, что делать из нас доносчиков – дело неблагодарное и само по себе непорядочное. Поэтому замполит

предложил поговорить с курсантами нашей группы и предложить виновным покаяться, а иначе... Тут снова прозвучали слова о круговой поруке и каленом железе.

Нас ждали, и по обеспокоенным лицам одного, другого, третьего... не составляло труда догадаться, кто именно устроил эту «историю с географией». Выслушав переданный через нас ультиматум, виновники происшествия, посоветовавшись, пошли сдаваться.

А дело в действительности происходило вот каким образом. Несколько человек (в сумме их набралось семь или восемь), утомленные пятью предыдущими трудными экзаменами, махнули рукой на подготовку к последнему, несомненно, самому легкому экзамену. Кто загорал на солнышке, высунув спину в окне пятого этажа, кто отправился купаться в Озерки, кто просто балдел, не заглядывая в конспект, но к вечеру накануне экзамена они сообразили, что хоть экзамен и легкий, но не настолько же, что можно его сдать безо всякой подготовки. А времени на подготовку уже вовсе не осталось.

Заговорщики разработали хитроумный план: надо проникнуть в кабинет географии, где наверняка хранились экзаменационные билеты, аккуратно пометить их, а на экзамене каждый выгадит «свой» билет, ответ на вопросы которого можно хоть наизусть выучить. Оставалось заполучить ключ от кабинета. Ключи хранились на доске в дежурной комнате на первом этаже, а дежурным по училищу был учебный мастер мичман Каравашкин. Надо было отвлечь его из дежурной комнаты. С этой целью Игорь Беднов и еще один доброволец поднялись на четвертый этаж и стали орать истошными голосами, как будто бы там происходит смертоубийство.

Расчет был правилен. Услышав душераздирающие вопли, Каравашкин потрусил к их источнику, в спешке не заперев дежурную комнату. Лев Сухов вошел в дежурку, подошел к доске и взял, как ему казалось, ключ от кабинета географии.

Когда злоумышленники попытались этим ключом открыть кабинет, у них ничего не получилось: в спешке Лёвка взял не тот ключ. Мало того, затолкнутый в скважину ключ никак не вынимался обратно; кто-то постарался от души, и в руках осталась отломанная головка. Сорвалось!

Но не такой человек был Лев Сухов, чтобы отступить от задуманного. А нельзя ли проникнуть в кабинет как-нибудь иначе? Его поддержал Игорь Беднов: давайте попробуем. Заговорщики спустились во двор и увидели, что такая возможность имеется.

У окна третьего этажа, где помещался кабинет географии, была приоткрыта форточка. А рядом

с окном проходила водосточная труба, и, похоже, она должна выдержать вес человеческого тела. Риск, конечно, есть, но кто не рискует, тот не пьет шампанское! Кому же лезть? Кинули жребий на пальцах, как говорится, «на морского». Выпало Юре Зорину.

А Юра Зорин, человек добродушный и грузноватый, отличался тем, что единственным из всей группы не мог выполнить по физкультуре упражнение «подъем по канату без помощи ног». Он, правда, от выпавшего жребия отнекиваться не стал, хотя Зоська Шуров и усомнился: куда ему, он не влезет. Но Игорь Беднов строго сказал: «Морской закон есть морской закон. Пусть как хочет, но лезет».

И Юрка полез. Сколько раз казалось, что он сорвется, или труба не выдержит, или силенок не хватит. Добрался до форточки из последних сил, просунул руку – вот он, шпингалет! И рама открылась.

Билеты он спустил на землю на заранее взятой с собой веревочке. Тут уж каждый стал метить «свой» билет как только мог. Хоть и белая ночь, а было уже темновато. Кто-то загнул у билета угол – не перепутать бы, не один он такой умный нашелся, лучше загнуть два угла, а то и три. Кто-то торпливо поставил на обороте точку, жирную, чтобы вернее найти. А кто-то помазал палец чернилами и оставил свой дактилоскопический оттиск.

Спускаться по трубе было не легче, чем подниматься. На уровне второго этажа Юра не выдержал и рухнул на руки подстраховавших его товарищей.

...На практику все «штрафники» были направлены на одно судно – пароход «Сталинабад». Судно успешно выполнило задание по доставке на Большую землю то ли касситерита, то ли урановой руды; курсанты усердно трудились на доставке на борт судна тяжелых бочек и их погрузке в трюмы и получили благодарность министра.

Льва Сухова я встретил лет через пятнадцать в Ленинграде, столкнувшись с ним нос к носу в книжном магазине, где он пытался сдать на комиссию книги по морской тематике. Они больше не были ему нужны, он теперь работал в «почтовом ящике» танковой промышленности.

Еще лет через пятнадцать я нашел фамилию и имя Игоря Беднова в каких-то документах Министерства морского флота: он был там начальником управления не то по пожарной защите, не то по вневедомственной охране.

Со Всеволодом Георгиевичем Крашенинниковым я встретился на заседании в зале президиума Географического общества. Профессор сильно постарел, но выглядел молодцом: таким же безукоризненно элегантно и интеллигентно. Мы посмея-

лись, вспомнив старую «историю с географией», детали которой он узнал только теперь от меня.

На Камчатке, открытой для человечества его великим предком, я проработал полтора десятка лет. И когда я покидал эту страну, «печальную, гористую, влажную», проводы проходили в Камчатской областной библиотеке имени Крашенинникова.

Резиновые сапоги профессора Слевича

Я был одним из шести курсантов-старшекурсников Ленинградского высшего инженерного морского училища, пробившихся во 2-ю советскую морскую антарктическую экспедицию на дизель-электроходе «Обь». А ученым секретарем экспедиции был Соломон Борисович Слевич, доцент нашего училища. Мое сближение с ним обязано забавному случаю. У курсанта Вики Кузьмина был день рождения, и мы решили пригласить на его празднование своих знакомых из научного состава экспедиции. Пир удался на славу. В какой-то момент я без всякой задней мысли обратился к Слевичу: «Соломон Борисович, дать вам леща?» Конечно, имелись в виду рыбные консервы, но мои слова были встречены дружным хохотом, который навсегда разрядил некоторую скованность в общении.

В училище Соломон Борисович проявил себя как талантливый, от Господа Бога, преподаватель. Скучнейшую и занудную науку, именуемую политической экономией социализма, он умел преподнести так, что самые заскорузлые двоечники, обычно прятавшиеся на последнем ряду аудитории, чтобы покемарить там под усыпляющие звуки скрипучего голоса иного доцента, встряхивались и даже задавали то простодушные, то ехидные вопросы. Слевич на них подробно отвечал, по возможности не очень отклоняясь от узаконенных шаблонов бессмертного учения, но и не очень стесняя себя его рамками.

Несмотря на разницу в возрасте – пятнадцать лет! – мы подружились с Соломоном Борисовичем. Нередко в свободные вечера я приходил в его маленькую каютку, и мы обсуждали самые разные темы нашей прошлой, настоящей и будущей жизни.

Прошлое у него было интересным. В детстве он занимался в детском литературном университете при Ленинградском Дворце пионеров, которым руководил Самуил Яковлевич Маршак. Может быть, оттуда у Слевича хороший слог, который был заметен и в его научных работах, и в литературных опытах.

Не закончив ЛГУ – Ленинградский государственный университет, ушел на войну, после войны – сно-

ва университет, потом аспирантура. Когда был арестован по «ленинградскому делу» его научный руководитель, Соломон Слевич ждал, что и за ним придут. Один из его товарищей по кружку Маршака вспоминал потом, как удержал Сему от попытки выброситься в окно с четвертого этажа, потому что не было сомнений в том, что вошедшие в подъезд люди в форме пришли, чтобы арестовать его. Но его фамилии в списках на арест почему-то не оказалось, однако к защите уже готовой диссертации он допущен не был – по причине «отсутствия научного руководителя». Долгонько пришлось ему потом доказывать свое право на защиту кандидатской.

Подвижная фигура Соломона Борисовича появлялась в самых разных местах работы отрядов экспедиции, и везде его мягкая улыбка, дружелюбный взгляд вызывали симпатию у людей с самыми разными характерами и темпераментами.

Помимо необременительных обязанностей учебного секретаря, Слевич был еще редактором судовой радиогазеты. Вскоре после нашего прибытия на «Обь» радиогазета отмечала годовую юбилей. Газета принимала поздравления; я подготовил одно из них. По судовой трансляции прозвучал торжественный голос Федора Пастернака, племянника поэта:

*...Газета наша, как нужна ты,
Ты осветишь любой вопрос;
Ты сообщишь координаты
И обстоятельный прогноз;
Тебя услышать каждый хочет,
Когда, в надежде на успех,
Синоптик Гутников пророчит,
Сулит нам дождик либо снег.
От правды-матки ни на волос,
Скажу: ее всевидящ глаз!
В ней даже хриплый женский голос
Звучит мелодией для нас...*

Обладательнице «хриплого голоса» был посвящен один из куплетов самодельной песни, которую нестройным хором исполняли курсанты:

*Синоптик Ляля без причины
Сказала Слевичу тайком,
Что выйдет замуж за пингвина,
Чтоб муж был круглым дураком...*

В другом куплете фамилия персонажа по понятным причинам изменена:

*Синеет лед за Хасуэлом,
На Мирном бродят дикари,*

*А Черенков торгует телом
За колбасу и сухари...*

Соломон Борисович озабоченно осведомлялся у меня, правда ли это – насчет Черенкова...

Когда мы возвратились из экспедиции, у Слевича почти каждый день собирались старые и новые знакомые – актеры, океанологи, товарищи по экспедиции и коллеги по училищу. Приходил доцент Федосеев, уважаемый курсантами преподаватель истории КПСС, с которым было хорошо выпито, отчего Соломон Борисович только щурился, а Федосеев никак не мог окончательно попрощаться, стоя под низким абажуром, накрывшим его наподобие дурацкого колпака. Красивая собака Чара, эрдельтерьер, ходила из комнаты в комнату. Гости поглаживали ее по загривку, а та самодовольно урчала. Приходили мои шумливые товарищи, которых Чара приветливо встречала. Но однажды ни с того ни с сего она облаяла безобидного Сашу Чупыру, а когда тот испуганно попятился, цапнула его за ногу, прокусив штанину и оставив на лодыжке отпечаток своих острых зубов, за что тут же получила нагоняй. Чара ушла в прихожую и улеглась на свою подстилку, еще долго продолжая озлобленно рычать.

В море Слевич, как и положено ученому секретарю, вел дневник экспедиции и по возвращении задумал написать книжку для старших школьников, выбирающих профессию. Он вышел на издательство литературы для детей и вскоре, подписав договор, засел за рукопись.

На Дальнем Востоке, куда я уехал после окончания училища, я получил от Соломона Борисовича его книжку «Через два океана» с трогательной надписью: «В память о том, как вместе шагали...»

Я, конечно, не мог тогда знать, что участие в антарктической экспедиции коренным образом изменит судьбу Соломона Борисовича. Он самым основательным образом занялся разработкой экономических проблем деятельности человека в океане и в полярных странах, стал автором многих научных трудов и авторитетнейшим специалистом в этой области.

В последующие годы каждый приезд в Ленинград, а потом в Санкт-Петербург я непременно бывал у Соломона Борисовича, а нередко и оставался у него, где бы он потом ни жил: на улице Белинского, на улице генерала Симоняка или, наконец, на Куйбышева, бывшей Дворянской. Всегда в доме Слевича было много интересных людей. Там бывали именитые ученые-географы, знаменитые полярники, известные и еще мало известные артисты. Другом дома был Евге-

ний Жаров, сын народного артиста Михаила Ивановича Жарова. Соломон Борисович в особенности отмечал казавшееся ему замечательным качество своего приятеля: тот много лет подряд избирался секретарем парторганизации Театра комедии, должно быть, для того, чтобы его знаменитая фамилия, унаследованная от обласканного властью отца, уравновешивала перед обкомом партии творческие искания главного режиссера, которые там считали сомнительными.

Конечно, самым близким другом, по-видимому, еще с детских лет, был Яков Нисонович Рохлин, в те годы – редактор студии «Ленфильм». Отличаясь безупречным вкусом, Яков Нисонович и сам писал лирические стихотворения, но никому их не читал, кроме ближайших друзей, среди которых были и высоко их ценившие подлинные знатоки. Они каждый раз уговаривали Якова отдать что-нибудь в печать, но он неизменно отшучивался: «Вот умру, тогда и опубликуйте, где хотите».

Однажды я узнал из афиши, что в лектории на Литейном выступает Яков Рохлин. Тема его лекции – кинематограф национальных республик. Узнав у Слевича номер телефона, я позвонил Рохлину, поддельваясь под восточный акцент: «Ув-важаемый тавариш... Яков Нисонович... Вот вы вчера говорили о достижениях советского кино... Оч-чэнь, оч-чэнь интэрэсно... А вот па-ачэму вы ничего нэ сказали о замэча-тэльных достижениях... азэрбайджанского кинематографа?...» Яков не на шутку перепугался и неожиданно для самого себя стал оправдываться: конечно, он знаком с достижениями азербайджанского кинематографа и в следующей лекции непременно о них расскажет. Я внушительно произнес: «Сматрите... Я правэрю!» – и повесил трубку.

Слевичу недолго удалось сохранить секрет: он рассказал Якову о розыгрыше, и мы с удовольствием посмеялись.

Яков Нисонович, знаток и ценитель литературы, знакомил своего друга с продукцией «самиздата» и «тамиздата». От него, как я понимаю, Соломон Борисович узнавал стихотворения Наума Коржавина, которые нередко мне цитировал. А однажды мы поехали к Якову Нисоновичу домой, где тот, заметно волнуясь, прочитал нам не разрешенную тогда к публикации поэму Твардовского «По праву памяти»...

В один из моих приездов в Питер Соломон Борисович пригласил меня присутствовать на заседании президиума Географического общества, где он должен был делать доклад.

Торжественно выглядевший зал с большим овальным столом, покрытым зеленой скатертью, был ук-

рашен портретами учредителей и президентов общества, от величественного царского сановника до нынешнего академика, поставившего свою подпись под предисловием к последней книжке Слевича. Доклад был заслушан членами президиума с уважительным вниманием, два-три вопроса были заданы скорее для приличия, чем по существу.

После заседания Соломон Борисович и я, вместе еще с профессором К., пошли проводить председательствующего, профессора Д., который жил неподалеку. По дороге Слевич забежал в гастроном и вышел из него с разбухшим портфелем – там добавились бутылка водки, батон и кусок колбасы граммов на шестьсот.

Профессор Д. после очередного развода жил в студенческом общежитии. Комната была неуютна и неухожена, убогая мебель была явно казенной. Профессор расстелил на краю стола газетку, ополоснул стаканы, и мы не спеша выпивали. Профессора наслаждались разговором о проблемах своей науки, о подводных течениях в структурах Географического общества, да просто ни о чем. После второго пол-литра Д. вытащил из кармана подаренный кем-то водяной пистолет и предложил пострелять по нахальным мухам, норотившим полакомиться крошками батона и вгрызться в колбасу. Идея понравилась, и все поочередно поливали наглых насекомых, пока, наконец, Соломон Борисович не сказал, что они позаливали всю профессорскую постель и вообще нам пора домой.

В следующие свои приезды я заставал у Соломона Борисовича новых учеников, аспирантов и докторантов, они нередко приезжали к нему домой, прихватив бутылку коньяка или водки, и эти подчас совсем не молодые люди, как и старые друзья хозяина, его ровесники, представлялись «Володями», «Мишами», «Федями».

Я организовал приглашение профессора Слевича для чтения курса лекций по географии морских путей в высшее морское училище в Петропавловске-Камчатском, где я тогда работал. Соломон Борисович отказался от номера в гостинице и остановился у меня, выставив на подзеркальнике в своей комнате шеренгу пузырьков и коробок с лекарствами, которые он принимал в строго установленном врачами порядке.

Пришедший с океана циклон в одночасье сменил мягкую, прозрачную осень диким ветром, бурным снегопадом вперемешку с дождем. Улицы превратились в заснеженные реки, и Слевичу в его легоньких ботиночках оказалось совершенно невозможным выйти из дому, чтобы поехать для чтения лекции в учебный корпус, куда уже возвратились перво-

курсники. Моя жена помчалась в универмаг, но купить резиновые сапоги было не так просто: желающих приобрести обувь по погоде оказалось множество, а когда ее очередь подошла, кто-то из стоящих в хвосте крикнул: «Женщинам мужские сапоги не отпускать!»

Во все последующие годы при редких встречах Соломон Борисович неизменно осведомлялся – целы ли его резиновые сапоги?

В мой последний приезд в Санкт-Петербург я узнал, что Соломон Борисович за научные заслуги награжден Географическим обществом престижной золотой медалью имени Литке. Мой старый друг достал из письменного стола тяжелый золотой диск с рельефным изображением основоположника и показал мне, как, по-видимому, показывал гостям, которых год от года становилось все меньше. Вытаскивать медаль из ящика стола было грустно: Соломон Борисович взвешивал на ладони тяжелый металл, разглядывал золотые бакенбарды адмирала, похоже, прогоняя от себя непрощено влезавшую в голову мысль: «И это – всё? Это то, чего ты столько лет добивался?» Что еще делать с медалью, он совершенно не знал. На грудь ее не повесишь – она предназначена для хранения в футляре, каждому встречному не станешь говорить: вот, мол, я – лауреат. Разве что при надобности можно заложить в ломбард, как он не раз закладывал оставшиеся от отца золотые часы «Павел Буре», когда нужно было выручить кого-нибудь из товарищей...

Папиросы «Самородок»

Курить я начал в первую экзаменационную сессию. Сидел в аудитории четвертого этажа, выделенной для самоподготовки нашему курсу, и мучился над теоремами начертательной геометрии. «Боже мой, – думал я, – кому это надо? Ортогональные проекции, аксонометрические проекции, преобразование координат – ну никак в голову не лезет, прямо хоть завой!» – «А ты закури», – посоветовал Боб Стехновский, с состраданием наблюдавший за моими мучениями. Я взял у него папироску, неумело прикурил и растерянно посмотрел на Боба, не зная, что дальше делать. Боб, как умел, объяснил мне, я следовал его советам. Легче, конечно, не стало, но появился какой-то отвлекающий фактор, позволяющий не сосредоточиваться на одной только начерталке.

А курили мы тогда всякую, извините, гадость. Особенно популярны были дешевенькие папиросы «Красная Звезда», с мотоциклистом на пачке. Вот

столько лет прошло, а я еще помню этот рисунок. Должно быть, он был выбран фабрикой-производителем потому, что курить эти папиросы – всё равно что вдыхать дым из выхлопной трубы мотоцикла. Получше были папиросы «Север», бывший «Норд». Когда заводились денежки, курили, конечно, ленинградский «Беломор» фабрики Урицкого – самые фешенебельные по тем временам папиросы. Все знали, что ленинградский «Беломор» курили директора всех табачных фабрик страны. Сергей Петров научил меня по-особенному раскрывать пачку «Беломора»: не надрывать упаковку сверху, а проводить ногтем сверху вниз посередине оборотной стороны пачки. Получался этакий портсигар, раскрыв который, можно было с шиком предложить собеседнику выкатывающуюся навстречу папиросу, а не выколотывать ее из проделанного отверстия.

«Казбек» был, конечно, так – баловством. Слышали, что Сталин набивал трубку табаком из папирос «Герцоговина Флор». Что это за папиросы – никто из нас не пробовал, да и не видел их никогда.

Но отдельно взятые курсанты, в основном старшекурсники, которые по каким-то надобностям удостоивались чести посетить преподавательскую кафедру судовождения, могли увидеть коробку еще более редких папирос – под названием «Самородок».

Профессор Ющенко приезжал на кафедру судовождения по четвергам. За своим столом заведующего кафедрой он сидел в форме капитана первого ранга с украшенной золотым зигзагом поперечной полоской на погонах, которая в те времена была установлена для офицеров в отставке. А на столе лежала та самая, легендарная, коробка папирос «Самородок». Все курсанты Высшего арктического морского училища знали, что Ющенко курит папиросы «Самородок», на крышке коробки которых изображен сияющий кусок золота. Ни до того случая, ни после него я не видел таких папирос.

Профессор Ющенко отличался необычностью манер и поведения. Входя в здание училища, он предъявлял в раскрытом виде свое служебное удостоверение дежурному у входа, хотя, безусловно, все курсанты, независимо от специальности, не только превосходно знали профессора в лицо, но знали также, что именно он, в отличие от иных, непременно раскланяется при входе и предъявит удостоверение.

Среди курсантов ходила байка, что раз в неделю по вечерам собирается терцет: профессор Ющенко – фортепиано, профессор Каврайский – скрипка, а самый старший, профессор Георгий Сергеевич Максимов, носивший редкостное звание генерал-

директора Главсевморпути второго ранга – виолончель. Не знаю, правда ли это, однако нетрудно было представить, как бегут по клавиатуре тонкие, нервные пальцы Ющенко.

Нельзя сказать, что лекции профессора Ющенко увлекали всех слушателей. Интонация его неровного, ломкого голоса могла даже показаться монотонной, а выписываемые на доске колонки формул и чисел требовали напряженного внимания. Это было движение живой мысли, приглашение к сопереживанию не столько эмоциональному, сколько интеллектуальному, и те, кому удалось это постичь, получали истинное удовольствие.

На первом же экзамене по навигации мне достался вопрос «Способы определения поправки компаса». Я с особым удовольствием назвал таблицы «Азимуты светил», автором которых был Артемий Павлович, и следил за реакцией экзаменатора; ничего, он воспринял мои слова как должное. Только позже я смог профессионально оценить по достоинству эти таблицы, более известные как «Таблицы Ющенко», которые, несомненно, превосходили все другие известные в мире таблицы того же назначения по удобству пользования, полноте и точности.

Профессор Ющенко пригласил меня, второкурсника (слово «вызвал» применительно к Артемию Павловичу было совершенно неуместно), чтобы вручить свои соображения по поводу использования возможных соотношений из аналитической геометрии для создания эллипсографа – темы, которая была закреплена за мною в научном обществе курсантов. Эти соображения были изложены на листе голубой линованой бумаги каллиграфическим бисерным почерком, каждая буква отдельно от другой, с теми особенными, нигде более не виданными мною хвостиками-черточками у букв «щ» и «ц», которые выдавали натуру энергичную и независимую.

Несколько повзрослев, я узнал, что в начале войны Ющенко было поручено ответственное задание: разработать новые Мореходные таблицы – основное штурманское пособие, которое используется на каждом военном корабле и торговом судне. Старые таблицы, изданные еще в 1933 году, уже не отвечали требованиям времени. Ющенко блестяще справился с этим заданием. В особенности он гордился принципиально новой таблицей, предназначенной для решения задачи определения места судна по высотам небесных светил. Компактная, удобная по структуре, обеспечивающая необходимую точность, таблица быстро получила признание моряков. Она была хороша еще и тем, что с ее помощью можно было решать и целый ряд других штурманских задач, чего не позволяли другие подобные таб-

лицы. В послевоенные годы эта таблица вышла отдельным изданием сначала в 1952, а затем, в значительно усовершенствованном виде, в 1957 году. И когда в 2000 году издавались новые Мореходные таблицы, их основой стала все та же таблица Ющенко, оставшаяся наиболее подходящей для решения этой задачи, хотя более чем за полвека появились десятки таблиц того же назначения.

Я еще учился на старших курсах, когда вышел учебник «Навигация», написанный старшим товарищем Артемием Павловичем, профессором Константином Сергеевичем Уховым. По просьбе автора Ющенко написал для этого учебника раздел, посвященный современной трактовке задач судовождения. А в 1956 году вышла в свет блестяще написанная им монография «Способ наименьших квадратов», содержащая обстоятельную математическую трактовку ряда прикладных задач. В том же году увидела свет монография «Основы мореходной астрономии», на титульном листе которой значилась фамилия Николая Николаевича Матусевича. Это профессор Ющенко собрал оставшиеся после смерти автора материалы, обработал их и подготовил к печати.

Уже будучи преподавателем вуза, я имел счастливую возможность поделиться с Артемием Павловичем своими мыслями по поводу учебника «Навигация», написанного им в соавторстве с Михаилом Михайловичем Лесковым. Что ни год, Ющенко регулярно публиковал в сборнике «Судовождение» коротенькие, но содержательные «Штурманские заметки»... Я даже однажды был свидетелем того, как он, образец деликатности, еще мог неоспоримо твердо поставить на место любителя поживиться чужими трудами.

Странно, но о перипетиях жизненного пути Артемия Павловича я узнал немало лет спустя. Ему была к лицу тужурка студента Санкт-Петербургского университета, и он беззаветно увлекся своей будущей специальностью ученого-физика. Ему удалось познакомиться с самим «папой Иоффе» – молодым, но уже знаменитым Абрамом Федоровичем Иоффе, и подключиться к участию в его семинаре по новой физике, сыгравшем чрезвычайную роль в развитии физики в России. «Это был самый замечательный семинар, который мне вообще довелось видеть, и ни один семинар не дал мне больше, чем этот...» – писал позже участник семинара Яков Дорфман, тогда студент, как и Ющенко, а потом знаменитый физик, член-корреспондент Академии наук. Об уровне этого семинара можно судить по тому, что среди его участников были Николай Семенов и Петр Капица – будущие Нобеле-

вские лауреаты. На сохранившейся фотографии участников семинара, сделанной Петром Леонидовичем Капицей в 1916 году, худенький Артемий Ющенко сидит между Иоффе и Семеновым.

Но этот молодой человек вдруг круто изменил свою судьбу, поступив в отдельные гардемаринские классы. «Черные гардемаринки» – необходимость, вызванная войной. Флоту не хватало «белых гардемаринков» – выпускников морского кадетского корпуса, одного из наиболее привилегированных учебных заведений России, в который принимали только детей дворян. Правительство было вынуждено организовать подготовку флотских офицеров из студентов и выпускников высших учебных заведений, независимо от сословной принадлежности, а «черными гардемаринками» их называли за черные погоны с двумя белыми полосками.

Гардемаринские классы Артемий окончил в 1918 году, когда закрутилась бурная карусель Гражданской войны.

А уже осенью 1918 года Ющенко был направлен на стажировку в Пулковскую обсерваторию для завершения подготовки в качестве гидрографа-геодезиста, как было заведено в те времена. Но первая любовь еще долго его не оставляла. Лев Кокин в книге «Юность академиков» писал: «С осени 1918 года при кафедре физики, где прежде собирался семинар профессора Иоффе, начались регулярные деловые заседания совета Физико-технического отдела Государственного рентгенологического и радиологического института. На заседании Физического общества встретил своего профессора бывший «семинарист» Артемий Ющенко и тут же получил приглашение в Лесной и «рентгеновскую» тему. Работал он в Пулковской обсерватории. Раз в неделю, закинув за плечи рюкзак, он отправлялся пешком через весь город – пересекал его с юга на север и на несколько дней обосновывался «по совместительству» в Лесном. Ночевать его устраивали в общежитии – места было сколько угодно; что касается дров, то именно в эту зиму были вырублены окружавшие Политехнический институт леса».

Однако новая профессия все дальше уводила совсем в другую сторону – на Каспийское море, потом в Северную гидрографическую экспедицию. Его настольной книгой стало «Руководство по геодезии», которое он открывал, возгласив: «Обратимся к первоисточнику» всякий раз, когда возникал какой-нибудь спорный вопрос.

Штурману, гидрографу, физику, геодезисту Ющенко было свойственно обостренное чувство нового. Его блестящая и многосторонняя эруди-

ция позволила ему едва ли не первому оценить возможности нового метода геодезических измерений, получившего название «фазовый зонд», и применить его в морской навигации. Радионавигационные системы, основанные на этом методе, не один десяток лет обеспечивали высокоточное судовождение во многих морях Мирового океана. Для этих систем Ющенко разработал метод построения навигационных карт, на которых сложные кривые на земной поверхности, отвечающие измеренным величинам, изображались прямыми линиями, что заметно упрощало процедуру определения местоположения судна.

Ющенко-преподаватель одно время руководил кафедрой физики в оптико-механическом институте и даже был там деканом факультета. С 1935 года до конца своих дней осуществлял подготовку судоводителей и гидрографов в Гидрографическом институте Главсевморпути и всех его последующих перевоплощениях. В особенности непревзойденным специалистом Артемий Павлович был в разработке таблиц, предназначенных для обеспечения мореплавания. Под его руководством были созданы Картографические таблицы, изданные Гидрографическим управлением Военно-Морских сил. В 1952–1955 годах он заведовал кафедрой картографии Ленинградского университета. Доктор военно-морских наук, заслуженный деятель науки Ющенко был награжден Географическим обществом золотой медалью имени Пржевальского за книгу «Картография».

На берегу Таймырского залива Карского моря, на полуострове со столь любезным сердцу Артемия Павловича названием – полуостров Штурманов – находится гора Ющенко.

Есть еще глубоководная впадина Ющенко – далеко в Антарктике, в пронзительных шестидесятих широтах.

Для оценки психологических качеств личности используется тест, в котором испытуемому предлагается прежде всего выбрать две фигуры, определяющие границы шкалы оценок: самую положительную, так сказать, безусловный эталон для подражания, и самую отрицательную, то есть такого человека, хуже которого не бывает. Насчет отрицательной фигуры я долго колебался: сколько в жизни мне встречалось пустой породы, даже украшенной титулами и учеными званиями! А вот насчет положительной у меня никаких сомнений не возникло: это, безусловно, был профессор Артемий Павлович Ющенко – настоящий золотой самородок.

А курить я давным-давно бросил.

Посоветоваться с Анной Ивановной

В начале 60-х я жил в Приморье и работал начальником судоводительского отделения в Дальневосточном мореходном училище. Все у меня складывалось удачно, но в душе завелся какой-то червячок беспокойства. Я чувствовал, что эта работа не дает должной пищи уму и не требует от меня той отдачи, на которую я способен, как, возможно, несколько самоуверенно считал. Нужно было что-то в жизни менять. Постепенно в моем сознании стали вырисовываться различные варианты своего будущего.

Первый вариант – вернуться снова на флот, к прежней производственной деятельности, имел много «за»: и заработок получше, и отчетливая перспектива служебного роста, и особой дополнительной подготовки не требуется. «Против»? «Против» не так уж и много: все, что обычно для моряков, прежде всего оторванность от семьи. И еще: за годы, которые я проработал в училище, мои сверстники заметно продвинулись по службе, большинство из них уже старпомы. А мне придется начинать с должности самой наименее – третьего, а то и четвертого помощника капитана. К тому же, ушел-то я на береговую работу из-за болезни, а какие могут быть гарантии, что ситуация не повторится? Впрочем, плюсы, пожалуй, перевешивали.

Второй вариант – поступить в аспирантуру и заняться научной деятельностью, склонность к которой у меня обнаружилась еще в годы учебы. Начал я было расставлять плюсы и минусы, но сразу же обнаружил, что и об аспирантуре, и о последующей научно-педагогической деятельности я имею самое смутное представление. Посоветоваться бы надо. Но с кем? Вокруг меня не было никого, кто имел бы опыт работы в высшей школе. Впрочем, нет. Не так уж далеко, во Владивостоке, жила теперь и работала Анна Ивановна, та самая, которая четыре с лишним года назад вручала мне диплом инженера-судоводителя. Конечно же, надо посоветоваться с Анной Ивановной.

...Никому из настоящих моряков не надо было пояснять, о ком идет речь, когда называлось имя и отчество: Анна Ивановна.

В середине 30-х годов фотографии Анны Ивановны Щетининой украшали обложки не только советских журналов, но и сияли на первых страницах многих зарубежных изданий. «Первая в мире женщина – капитан дальнего плавания» – эта подпись непременно сопровождала ее портреты. Девушки-энтузиастки прикрепляли ее фотографию к трюму рядом с портретами Любви Орловой и Мэри Пикфорд.

Мало кто знал, каким неимоверно тяжелым был путь на мостик парохода «Чавыча», который, вступив в капитанскую должность, получила Анна Щетинина.

Учеба в морском техникуме давалась Анне легко, сообразительная девушка на лету схватывала объяснения преподавателей. Куда сложнее было при прохождении практики на судах. Матросский труд, тяжелый даже для крепких мужиков, нелегок и для молодой девушки. Но куда труднее было оказаться в коллективе, пребывание женщины в котором так же неуместно, как выращивание цветов на бульбаниках. Еще можно было отшить беззащитно прилипчивых ухажеров, еще можно было стерпеть простодушную лексику морских волков, не умевших изъясняться иначе, чем обильно уснащая речь матюками. Гораздо труднее было вытерпеть показательно-презрительное отношение некоторых командиров, обращавшихся к практикантке как к существу низшего порядка, с нескрываемым отчуждением и брезгливостью. Трудно было, потому что на судах не было предусмотрено элементарных удобств, необходимых женщине, приходилось проводить 24 часа в сутки, и день, и ночь в одних тесных помещениях вместе с мужчинами.

Преодоление скептического, а подчас и враждебного отношения к себе («Бабыа блажь!») могла обеспечить только высочайшая требовательность к себе, жизнь без права на ошибку – в большом и малом, в управлении судном и в отношениях с людьми. Аня Щетинина стремилась овладеть своей профессией лучше, чем кто бы то ни был. Именно этим завоевала уважение и своих соучеников по морскому техникуму, и прокуренных работяг-боцманов, и умудренных опытом капитанов. К сожалению, не все понимали строгую и даже колючую натуру молодого судоводителя (слово «судоводитель» не имеет женского рода!), иногда возникали казусы, подобные тому, который произошел в Петропавловске-Камчатском, когда Анна явилась к Адамовичу, председателю правления АКО – Акционерного Камчатского общества, чтобы доложить об успешном завершении перехода из Германии парохода «Чавыча» под ее командованием. Иосиф Александрович встретил ее игривой улыбкой:

– Ничего себе – девушка! Сделала себе рекламу на весь мир...

Анна Ивановна не приняла показавшийся ей неуместным тон разговора и оборвала начальника, напомнив ему, что она – капитан, прибывший по делу, и, к тому же, замужняя женщина. На многие годы она сохранила обиду, вряд ли справедливую. Адамович в ее глазах был сухопутной шваброй, каким-то бывшим директором сахарного за-

вода. Она не знала, что, несмотря на молодость – ему было 39 лет ко времени их встречи – он был опытным хозяйственным работником и государственным деятелем, успевшим побывать не только начальником Главсахартреста СССР (а вовсе не директором сахарного завода), но и наркомом по военным и внутренним делам Белоруссии, и руководителем ее правительства – председателем Совнаркома, и что на Камчатке он уже немало сделал для развития рыбной промышленности. Он приехал в Петропавловск с женой-красавицей Софьей Шамардиной, «Сонкой», которая нашла в нем что-то такое, чего, наверное, не было у влюбленных в нее поэтов Владимира Маяковского и Игоря Северянина. Анна Ивановна не могла знать, что спустя не так уж много времени после этой стычки пойдут массовые аресты руководящих работников АКО, за которыми в подавляющем большинстве случаев следовал расстрел по приговору «тройки УНКВД». Адамович, с часу на час ожидавший ареста, застрелился, и в связи с его смертью было закрыто уже заведенное на него уголовное дело по обвинению в сотрудничестве с видными троцкистами. Все осужденные сотрудники АКО, в том числе и Иосиф Александрович, спустя еще два десятилетия были реабилитированы ввиду отсутствия в их деятельности каких-либо признаков преступления.

Личная жизнь капитана Щетининой складывалась непросто. Ее первый муж погиб в нелепой драке – его убили бильярдным кием... Рано ушел из жизни и второй муж, радист по профессии. Анна Ивановна с горечью проговорила на юбилейном торжестве: «Не было у меня женского счастья...»

А служебная карьера капитана Щетининой круто пошла вверх. В начале 1938 года она была назначена начальником строящегося Владивостокского рыбного порта. «Сложности в организации работ были огромные», – вспоминала потом Анна Ивановна. Но не сложности заставили ее вскоре оставить эту должность. Молодой капитан и начальник, она чувствовала, что знаний, полученных в техникуме, недостаточно для того, чтобы квалифицированно работать с новой техникой и решать сложные производственные задачи, которые ставит жизнь. Она поступает на учебу на судоводительский факультет Ленинградского института инженеров водного транспорта, впервые в стране начавшего подготовку морских специалистов с высшим образованием.

...В середине 50-х, после объединения Высшего арктического морского училища, в котором я учился, с Ленинградским высшим мореходным училищем, в единое Высшее инженерное морское учили-

ще, Анна Ивановна пришла к нам как заместитель декана, а вскоре стала деканом судоводительского факультета. Мы смотрели на нее с уважением и с некоторой опаской – строгая по манере одеваться, она казалась неприступно строгой и в общении. Это мое мнение укрепилось еще больше, когда на собрании курсантов она резко оборвала меня, отпустившего какую-то шуточку. Но когда она пришла в нашу учебную группу вести практические занятия по навигации и лоции, ее личность открылась нам с другой стороны. Мог ли я предположить, что знаменитая капитан Щетинина будет обучать меня особенностям учета приливов в судовождении? Она была преподавателем, глубоко знающим свой предмет, доходчиво излагала материал, терпеливо добиваясь от каждого курсанта выработки навыков в выполнении сложных расчетов. Мы, конечно, старались не ударить в грязь лицом перед живой легендой мореходства, представшей перед нами в обаятельном самой своей строгостью облике.

Иногда женщины, овладевшие традиционно мужскими профессиями, невольно приобретают что-то мужеподобное и во внешности. Ничего такого не было в Анне Ивановне. В черном форменном костюме с золотыми капитанскими нашивками на рукавах, с прямой простой прической, в туфлях на невысоких каблуках, она всегда оставалась воплощением женственности. Она предстала перед нами в облике женщины, прошедшей суровую школу жизни, которая и направит на путь истинный, и выручит в трудную минуту, и поможет добрым советом.

Анна Ивановна была руководителем моего курсового проекта по навигационной проработке перехода из порта Алжир в порт Чивитавеккья, что в Италии. Переход, в общем-то, не очень сложный, но я проявил все возможное усердие. Анна Ивановна поставила мне отличную оценку и похвалила за обстоятельное обоснование выбранного маршрута. Ее скромная похвала была для меня выше всякой награды.

...С робостью и волнением я подошел к дому напротив железнодорожного вокзала Владивостока. Приходить раньше назначенного времени у настоящих моряков считается столь же неприличным, как и опаздывать, поэтому я медленно поднялся на нужный этаж, дождался на лестничной площадке и нажал кнопку звонка в тот самый момент, когда из радиоприемников донесли сигналы точного времени.

Анна Ивановна встретила меня так, как будто бы я приходил к ней уже не в первый раз. Мне же было трудно преодолеть робость и скованность. Но Анна Ивановна с интересом слушала рассказ о моей жизни и работе, и разговор постепенно стал

более непринужденным. Я поинтересовался, почему она сменила Ленинград на Владивосток. Причин было несколько. Для Анны Ивановны был неприемлем подход к подготовке специалистов в Ленинградском высшем инженерном морском училище, который, по ее мнению, насаждало руководство: отрыв от повседневной жизни морского флота и его нужд, академизм, недостаточное внимание практической подготовке. В ее сдержанной речи прорвались нотки негодования, когда она говорила, что на ключевые должности выдвигаются люди, получившие капитанские дипломы каким-то облегченным путем, либо вообще не нюхавшие моря. Поэтому, когда во время командировки во Владивостокское училище в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии ей предложили перейти туда на работу, она после недолгого раздумья согласилась. Все-таки Владивосток – город юности и молодости капитана Щетининой, здесь она окончила школу, здесь училась в техникуме, отсюда уходила в первое плавание. Здесь жила ее старенькая мама.

Простая обстановка комнаты, в которой меня принимала Анна Ивановна, безусловно, многое говорила о вкусах и привязанностях ее хозяйки, – никакой вычурности, никаких «дамских» украшений, но и о ее профессии ничто не говорило. Только над письменным столом, в рамке под стеклом, висела большая фотография океанского парохода.

– Это «Жан Жорес», – заметив мое любопытство, пояснила Анна Ивановна.

...В тяжелые годы Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки осуществляли программу ленд-лиза – передачи своим союзникам в аренду или займы вооружения, боеприпасов, продовольствия, стратегических материалов. Неоценимая помощь была оказана Советскому Союзу, противостоящему в смертельной схватке гитлеровской Германии и ее сателлитам.

По сравнению с другими направлениями морской перевозки грузов из США в советские порты тихоокеанский маршрут имел ряд особенностей. Во-первых, перевозка осуществлялась исключительно на судах под советским флагом, поскольку Япония находилась в состоянии войны с США, а Советский Союз по отношению к Японии в те годы был нейтральным государством. Во-вторых, суда шли не группами в конвоях под охраной кораблей Военно-Морского флота и авиации, а исключительно по одному, без охраны пересекая океан.

В-третьих, этот маршрут был наиболее безопасным, даже несмотря на то, что были случаи гибели советских судов от пиратских нападений японцев, а

также и от американских подводных лодок, по ошибке атаковавших суда своего союзника.

Практически весь советский торговый флот был сосредоточен в Тихоокеанском бассейне. Это были разношерстные, в основном тихоходные, сильно изношенные старые суда. Многие из них направлялись в порты западного побережья США и Канады на ремонт в исключительно плохом состоянии, и переход через океан был сопряжен для них с чрезвычайными трудностями. Анна Ивановна, направленная в конце 1941 года в Дальневосточное морское пароходство, привела в Канаду на ремонт старенький пароход «Карл Либкнехт». Неоднократный выход рулевого устройства из строя в самые ответственные моменты заставил капитана пережить тяжелые минуты...

Система организации судоремонта на американских верфях резко отличалась от принятой тогда на российских предприятиях. Мне рассказывал один старый капитан, так же, как Анна Ивановна, отправлявшийся на своем судне на ремонт в США. Весь переход механики, ответственные за судовые машины и механизмы, и старший помощник капитана, отвечающий за корпус и судовые устройства, трудились над составлением ремонтных ведомостей, стараясь не упустить какую-нибудь мелочь и мучаясь над их переводом на английский язык. Но в порту прихода поднявшийся на борт представитель фирмы с недоумением отклонил предложение посмотреть гроссбухи, составлением которых моряки так гордились. Достав из кармана записную книжку и карандаш, он в течение рабочего дня обошел все судно, осмотрел и корпус, и машинное отделение, делая какие-то пометочки и производя подсчеты, по-видимому, довольно несложные. В конце дня он обратился к капитану и старшему механику:

– Моя фирма может предложить вам три варианта ремонтных работ. Первый – чтобы ваше судно могло безопасно совершить обратный рейс в ваш порт. Это будет стоить столько-то. Второй вариант – чтобы судно могло безопасно плавать до предусмотренного классификационным обществом срока очередного освидетельствования. Стоимость – такая-то. И третий вариант – до полного удовлетворения капитана и старшего механика. Стоить это будет, конечно, несколько дороже – вот столько-то.

Рабочие доков по внешнему виду заметно отличались от российских рабочих, одетых в промасленные ватники и разбитые сапоги. Придя на работу, они переодевались в синие комбинезоны из той ткани, которую у нас принято называть «чертовой кожей», на груди комбинезона – надпись – название фирмы. На голове – не растрепанная ушанка из ме-

ха беспородной собаки, а аккуратная каска с той же надписью и подшлемником. Да и работали они как-то не так, как наши. Однажды Анна Ивановна наблюдала такую картину: двое рабочих стояли на причале около борта судна, рядом с ними лежали две дымогарных трубки. Куда как несложно было взять эти трубки хоть каждому по одной, хоть парой обе сразу и подняться по трапу на судно. Нет, они терпеливо ждали, когда освободится порталый кран, подьдет его могучая махина и подцепит эти трубки, кажущиеся крохотными на его громадном гаке.

Анне Ивановне запал в память этот маленький, незначительный эпизод. В нем, как в зеркале, отразилась американская индустриальная психология. Наверное, именно она позволила задумать и осуществить один из самых грандиозных индустриальных проектов XX века – проект «Либерти».

...В начале войны торговый флот союзников Соединенных Штатов по антигитлеровской коалиции нес огромные потери от подрывов на минах, налетов вражеской авиации, атак подводных лодок и действий надводных кораблей. Без резкого увеличения количества транспортных судов США не могли реализовать программу военной помощи по ленд-лизу странам-союзникам. Нужно было срочно решить вопрос о строительстве флота.

Основную тяжесть работы по созданию транспортного флота взяли на себя Соединенные Штаты, которые осуществили беспрецедентную чрезвычайную программу серийного производства судов. Краткосрочный конкурс опирался на основные требования: суда должны быть как можно дешевле и проще в постройке и эксплуатации, как можно меньше по собственному весу при максимальной грузоподъемности и обладать максимально возможной живучестью и элементарным комфортом для экипажей.

По результатам конкурса был избран тип «Либерти» – «Свобода». Универсальный сухогрузный пароход, рассчитанный на работу в неограниченном районе плавания, имел наибольшую длину около 135 метров, ширину более 17 метров и осадку в полном грузе 8,5 метра. Пароход был двухпалубным, с пятью грузовыми отсеками, с надстройкой и машинным отделением в средней части, с семью водонепроницаемыми переборками, которые обеспечивали непотопляемость судна при затоплении любого отсека.

Он был целиком сварным, что представляло собой революцию в технологии судостроения. При мощности силовой установки в 2,5 тысячи лошадиных сил и грузоподъемности в 10 тысяч тонн суда имели сравнительно невысокую эксплуатационную

скорость 11 узлов, что облегчало их использование в составе конвоев совместно с судами других типов. Все оборудование, даже мебель в каютах, изготовлено из тонколистовой стали, поэтому судно оказалось намного легче, чем другие суда той же грузоподъемности. Мировое судостроение еще не знало судов с такими выгодными характеристиками.

Суда имели хорошее вооружение и могли постоять за себя и при встрече с надводными кораблями противника, и при атаках подводных лодок, и при налетах вражеской авиации. Кроме двух пушек – на носу и на корме, устанавливалось шесть-восемь скорострельных зенитных автоматов и пулеметы, предусматривался запас глубинных бомб.

Серийное производство «Либерти» было организовано с грандиозным размахом. В строительстве была занята вся промышленность США и Канады. Программа предусматривала постройку 2742 судов типа «Либерти» на 18 судостроительных верфях Тихоокеанского и Атлантического побережья, насчитывавших 170 стапелей. Предприятия были связаны жестким графиком интеграции и поставок, суда собирались конвейерным методом. Производственный цикл их постройки все время сокращался. Первое судно построили в 1941 году за 245 дней. В 1942-м было выпущено 597 судов, причем каждое строили 105 суток. В 1944-м число вошедших в строй судов возросло до 1056, теперь на постройку тратили всего 43 дня. Были случаи, когда суда уходили в море через две недели после закладки, а рекорд составил 4 суток и 15 часов. Такой скорости не знала мировая практика судостроения.

Сухогрузы типа «Либерти» составили основу всего мирового флота, обеспечивавшего морские перевозки стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

...Среди курсантов (и не только) ходила байка, что новенький пароход типа «Либерти», получивший название «Жан Жорес», президент США Франклин Д. Рузвельт подарил лично Анне Ивановне, восхищенный мужеством женщины-капитана. Очень хотелось верить в эту легенду, но, однако, спросить об этом саму Анну Ивановну я постеснялся, а потом никаких документальных подтверждений этому я нигде не нашел.

Сама процедура передачи судна капитану свершилась с изумившим Анну Ивановну полным отсутствием бюрократизма. Когда она, «мэм кэптин», впервые поднялась на борт судна, его незамедлительно покинули механики сдаточной команды. А в капитанскую каюту явился с двумя большими бумажными кулками полисмен, который до этого момента нес вахту:

– Хэлло, кэптин! Это – ключи для вас. Маленькие ключи (он положил на стол первый кулек) – от ящиков, а большие ключи (второй кулек) – от дверей. Гуд бай, кэптин, и удачи вам.

Впрочем, вскоре все более или менее наладилось.

«Жан Жорес» был вторым по счету судном типа «Либерти», переданным Дальневосточному морскому пароходству.

Вообще, огромные океанские просторы довольно-таки тесны. В своих воспоминаниях Анна Ивановна упоминает Вениамина Исаевича Факторовича, капитана парохода «Сучан», также типа «Либерти», который вместе с ее «Жаном Жоресом» оказывал помощь терпящему бедствие пароходу «Кузьма Минин».

Вениамин Исаевич, заместитель начальника Балтийского морского пароходства по безопасности мореплавания, был членом экзаменационной комиссии, принимавшей у нас, курсантов, государственный экзамен по навигации и лоции. По списку я должен был входить в аудиторию, в которой проводился экзамен, одним из последних. Ребята, сдававшие экзамен раньше меня, выскакивали из аудитории в состоянии шока:

– Там этот, Факторович... показывает какую-то книгу и спрашивает, что это такое. Всех заваливает!

Дошла очередь и до меня. Я взял билет и начал готовиться к ответу, но тут меня подозвал высокого роста экзаменатор с капитанскими нашивками. Я понял, что это и был Факторович. Его лицо выражало плохо скрываемое раздражение. Еще бы – никто из выпускников так и не ответил на его вопрос!

Он протянул мне тонкую книгу большого формата, название которой было написано на обложке на английском языке.

– Ну, может быть, вы ответите мне, что это такое? – спросил он с выражением безнадёжности в голосе.

Я бегло взглянул на обложку.

– Это НЕМЕДРИ – информация о минной опасности в водах Северо-Западной Европы.

Вениамин Исаевич направился к председателю комиссии. Хотя и говорил он тихо, я обострившимся слухом уловил его слова:

– Вот этот курсант отлично подготовлен.

Откуда было капитану Факторовичу знать, что НЕМЕДРИ я изучил в нескольких необычных обстоятельствах. Два года назад я проходил практику на буксирном пароходе «Ладога». Третий помощник капитана, в ведении которого находятся навигационные пособия, не имел ни хорошего образования, ни должного усердия в работе, да и английского языка он не знал. Поэтому он время от времени относил скопившиеся выпуски НЕМЕДРИ в галюнь – туалет по-сухопутному

– для использования бумаги по известному назначению... Там я и познакомился с этим пособием.

...Семнадцать раз Анна Ивановна Щетинина пересекла Тихий – Великий – океан, доставляя военные грузы в порты Дальнего Востока. Это само по себе было подвигом, а ведь, к тому же, рейсы совершались не в обычной мирной обстановке, а в условиях постоянных провокаций со стороны японцев, при соблюдении радиомолчания. Ввиду военного времени были выключены маяки, нередко приходилось проходить через минные поля по неогражденным фарватерам. Довелось выполнять и такие операции, для которых большегрузный пароход был плохо приспособлен: стаскивать с мели севшее на нее судно, подавать на лишенное возможности маневрировать аварийное судно буксирный трос. Капитан Щетинина прошла уникальную школу морской практики, и не зря впоследствии она стала руководителем авторского коллектива учебника «Управление судном и его техническая эксплуатация», выдержавшего несколько изданий.

А в декабре 1943 года капитану Щетининой довелось стать главным действующим лицом в уникальной спасательной операции. В тяжелый шторм «Жан Жорес» находился в Беринговом море, на пути из Владивостока в США. Судно шло в балласте, без груза, а в таких условиях оно особенно плохо слушается руля. Чрезвычайное событие нарушило радиомолчание: поступил сигнал бедствия от капитана парохода «Валерий Чкалов». На крупной волне корпус парохода получил трещину: лопнула палуба и обшивка правого борта до самой ватерлинии. В любое мгновение судно могло переломиться. Требовалась немедленная помощь.

Не так уж близко находился «Жан Жорес» от аварийного судна – не менее пятнадцати часов следования полным ходом. Ближе находился только один танкер, но на нем не было тросов, необходимых для буксировки бедствующего судна. Танкер, находящийся в полном грузу, управлялся лучше, чем «Либерти» в балласте. Поэтому капитаны, обменявшись мнениями, решили, что он будет осуществлять буксировку, а с «Жана Жореса» на него передали стальные буксирные тросы.

Сначала буксировка шла спокойно, но потом ветер усилился, и танкер был вынужден уменьшить ход и изменить курс, чтобы занимать более выгодное положение по отношению к волне. «Жан Жорес» следовал поблизости.

Сигнал тревоги сорвал с места капитана Анну, спустившуюся в кают-компанию выпить стакан чая. Пароход «Валерий Чкалов» переломился! На носовой части, соединенной буксиром с танкером, ока-

зался один матрос, а кормовая часть с открытой ударам волн переборкой машинно-котельного отделения осталась на плаву со всем остальным экипажем. Нельзя было даже предположительно сказать, сколько времени выдержит переборка. Если она разрушится и вода хлынет в машинно-котельное отделение, тогда – конец. Нужно было подать на кормовую часть «Чкалова» буксир и развернуть его кормой к ударам волн, чтобы по возможности ослабить воздействие стихии на спасительную переборку.

Пожалуй, только профессионал-судоводитель может понять, какого искусства в управлении непослушным судном и какого труда экипажа «Жана Жореса» потребовала операция маневрирования возле аварийного судна, подачи и крепления тяжеленного буксирного троса.

Поэтому ни у кого из членов экипажа «Жореса» не появилось на лицах улыбки, когда месяц спустя на рейде Петропавловска-Камчатского к борту подошел катер и по трапу поднялся капитан «Валерия Чкалова» – нового «Либерти», получившего прежнее название и с прежним экипажем. Старый капитан Александр Федорович Шанцберг, вовсе не склонный к сентиментальности, троекратно расцеловал капитана «Жана Жореса».

Не думала, не гадала Анна Ивановна, какие испытания ждут ее в следующем же рейсе...

...Автоматическая электросварка, которая применялась при постройке судов типа «Либерти», давала не только огромный положительный эффект, ускоряя и удешевляя процесс постройки судна, но и весьма ощутимые негативные последствия. Выполнялась она по замкнутому контуру, а это вызывало большие внутренние напряжения в металле, который терял способность сопротивляться разрушению – поглощать энергию удара за счет пластической деформации. Хрупкое разрушение стали было причиной появления трещин и аварий в процессе эксплуатации, когда суда ломались на крутой волне и тонули: обшивка неожиданно расходилась по сварному шву во время плавания.

...Когда «Жан Жорес» следовал из США с полным грузом муки, в Аляскинском заливе во время жестокого шторма с грохотом лопнула палуба впереди средней надстройки, по передней кромке ограждения третьего трюма. Было ясно, что если судно переломится, то носовая часть затонет сразу, а кормовая будет держаться, пока выдерживает удары волн водонепроницаемая переборка машинно-котельного отделения. Словом, ситуация близка к той, которая была на «Валерии Чкалове».

Трещина дышала. В особенности тягостно было ощущение собственного бессилия. Ну, можно сме-

нить курс так, чтобы судно возможно меньше было подвержено килевой качке. Да и это трудно сделать, поскольку океанская зыбь и волна шли с разных направлений. Когда удалось найти более-менее приемлемый курс, килевая качка сменилась бортовой, и могучими ударами волн выбило дверь в надстройке. Потоки воды хлынули в жилые помещения. Пока установили дверь на место, пока ее подкрепили...

На концах трещины просверлили отверстия и с суеверным ужасом молили в душе, чтобы трещина не вышла за их пределы. Анна Ивановна приняла решение продолжать самостоятельно следовать прежним маршрутом. Может быть, это было самое ответственное в ее жизни решение, и сколько раз потом она спрашивала себя, правильно ли поступила, не вызвав помощь, не повернув на обратный курс. А трещина неспешно поползла в сторону левого борта...

Через трое суток «Жан Жорес» ошвартовался к причалу в одной из безопасных бухт Алеутских островов. Еще три дня сварщики вели ремонтные работы: заварили трещину, над трещиной к палубе приварили продольные полосы, а под трещиной – балки. Конечно, это не гарантировало полной безопасности в дальнейшем плавании, и военное начальство предложило передать груз на другие суда, а «Жоресу» направиться на ремонт в США. И снова Анна Ивановна проявила свой твердый капитанский характер. Она приняла решение, несмотря на огромный риск, следовать в Петропавловск-Камчатский, где ждали ее груз. И уже оттуда – снова на аварийном судне! – она совершила переход через океан – на ремонт в Соединенные Штаты.

...Засиделся я, однако, у Анны Ивановны. Она объяснила мне насчет аспирантуры, – не скажу, что она как-нибудь склоняла меня к поступлению в нее, но и не отговаривала. Да, это была ее манера, ее образ мышления: каждый должен принимать решения самостоятельно. Из буфета она достала красивую бутылку, которую кто-то из друзей-капитанов привез из очередного рейса. Мы выпили по крохотной рюмочке крепчайшего рома, как велел морской обычай.

Так я и не определился, куда мне идти: в аспирантуру или на китобойную флотилию. Решил положить на судьбу: откуда первым получу вызов.

Первым пришел вызов из аспирантуры.

Параллельные расходятся

Высшее арктическое морское училище, что на Малой Охте, было небольшим, но основательным учебным заведением. Предназначенность для

освоения суровой Арктики внушала самоуважение его курсантам, среди которых наряду с серьезными отличниками, готовившими себя к научной карьере, были отчаянные сорвиголовы, для которых море, тем более покрытое льдами, представлялось поприщем вольной бесшабашности.

Лекции по высшей математике у курсантов-судоводителей читал Ефим Михайлович Полищук, который тогда казался нам пожилым человеком, хотя ему не было и сорока. А у океанологов и гидрографов лекции читал Александр Васильевич Иванов. У каждого из преподавателей была своя манера чтения лекций, так что когда изредка одному из них случалось подменять другого в его потоке, курсанты испытывали заметные трудности в усвоении воспринимаемого материала. Полищук всегда обращался непосредственно к аудитории, выделяя модуляциями своего высокого голоса самые важные места, переживал каждое новое положение курса как собственное открытие, заставляя слушателей сопереживать. Иванов, наоборот, читал лекции как бы отстраненно, прилюдно общаясь непосредственно с авторами утверждений и теорем, а курсанты были зрителями, присутствовавшими при этом общении. Какие в действительности были взаимоотношения между начальником кафедры Ивановым и доцентом Полищуком, курсанты, конечно, не имели представления, но острые на язык гидрографы пустили байку, которая передавалась от одного поколения к другому. В соответствии с нею однажды Иванов пригласил Полищука в гости. Ефим Михайлович надел свой парадно-выходной костюм, пригладил реденький хохолок челки и направился к Александру Васильевичу, купив по дороге букетик цветов. Любезный хозяин встретил гостя в дверях. Сняв шляпу, Ефим Михайлович вручил букетик супруге хозяина, которая тоже вышла в переднюю, и, пока муж принимал у гостя пальто, удалась, чтобы продолжить сервировать стол. «Ну, – сказал Александр Васильевич, – пока Манечка готовит, прошу ко мне в кабинет. Тут у меня есть любопытнейший интеграл, не сомневаюсь, что он доставит вам удовольствие».

Через полчаса Манечка заглянула в дверь кабинета: «Саша, все готово, приглашай дорогого гостя к столу». И вправду, из гостиной доносились аппетитные запахи. Ефим Михайлович невольно сглотнул слюну. «Милая, подожди чуточку, я вот тут гостю одну задачку показываю. Понимаешь ли, я уже столько времени вожусь с вычислением криволинейного интеграла, о котором я тебе говорил. Так вот Ефим Михайлович – большой специалист по интегралам, он считает, что решение где-то рядом».

Спустя еще полчаса Манечка снова робко напо-

нила об остывающем ужине, но Александр Васильевич даже не оглянулся, а лишь досадливо махнул рукой в сторону двери.

Уставшая ждать супруга прикорнула на кушетке да через час-полтора незаметно для себя и заснула. Из кабинета по-прежнему доносился рокочущий басок Александра Васильевича, изредка прерываемый высоким дискантом Полищука.

Когда безумно утомленный гость взглянул на часы, они уже показывали восемь утра. Пора было спешить в училище: у него сегодня первая «пара».

Ефим Михайлович застегивал пальто уже на лестнице. Стоял легкий морозец. Занимался поздний питерский зимний рассвет.

Полищук вспомнил, что здесь неподалеку есть киоск по прозвищу «Голубой Дунай», который открыт чуть ли не круглые сутки. Торопливо забежав в него, он заказал сто грамм и бутерброд с селедкой. Опрокинув полстакана обжигающей пересохшее горло жидкости, он, пережевывая на ходу бутерброд, поспешил к трамвайной остановке: в конце улицы уже показались зеленый и белый огни трамвая. «Мой, шестнадцатый, номер, – с каким-то облегчением подумал Полищук. – Значит, на лекцию успеваю».

Конечно, не было никаких оснований утверждать, что сказанное происходило в действительности, однако байка довольно точно передавала различие в характерах Александра Васильевича и Ефима Михайловича.

Экзамены они тоже принимали по-разному. Доцент Полищук на экзамене напоминал хирурга во время ответственной операции или полководца при решающем сражении. Принимал экзамен он всегда стоя, лицом к нескольким классным доскам, на которых курсанты писали ответы на вопросы, поставленные в экзаменационных билетах. Заложив руки за спину, приподняв подбородок и расставив на ширину плеч ноги в чуть-чуть коротковатых брюках, Ефим Михайлович внимательно просматривал записи, располагающиеся подчас на раздвижной доске от потолка до пола. Любителям утопить ответ в пространственных словесах, что нередко бывало на экзаменах по другим предметам, у Полищука приходилось туго. Он, собственно говоря, ответа как такового вообще не требовал, а, просмотрев записи, задавал два-три уточняющих вопроса: «Скажите, а вот это – откуда? А вот это?» Чем меньше было вопросов, тем выше бывала оценка. Для отличников сдавать экзамен Полищуку было сплошным удовольствием. Никакого тебе нервного напряжения, никакой боязни, что тебя неверно поймут или потопят в болоте дополнительных вопросов.

Доцент Иванов принимал экзамен совсем по-дру-

гому. Если Полищук на экзамены приходил в ладно сидящем на нем штатском костюме, то Иванов как на экзамены, так и на лекции всегда приходил в лоснящейся на животе форменной тужурке с золотыми нашивками начальника кафедры на рукавах. Экзамен он принимал сидя на стуле, вполоборота к классным доскам, а в нескольких шагах от себя мелом прочерчивал на полу черту, которую курсант, входивший с докладом «Товарищ преподаватель, такой-то на экзамен прибыл», не должен был переступать. Чем было объяснить эту странность, никто из курсантов не знал, но необычный ритуал внушал какое-то трепетное почтение к экзаменатору.

Мой сокурсник Валерий Лифшиц рассказывал: «На экзамене после первого семестра Иванов, скорее всего от скуки, вызванной ответами по элементарной для него программе, практически не слушал отвечавших и после ответа устраивал соревнование. Он делил доску на две части, на каждой записывал задачу и предлагал решать. Кто быстрее – тому пять, кто медленнее – четыре. Мне в пару попался Сухорук, который в математике был ни в зуб ногой. Я сначала подсказывал ему ответ по билету, потом решил Сухоруку задачу и лишь затем свою. Из-за спешки в своей задачке я один раз пропустил минус при дифференцировании тригонометрических функций. Иванов просмотрел наши решения и сказал: «Сухоруку пять, Лифшицу четыре». И добавил: «Вы же знаете, что надо ставить минус, – два раза сделали это правильно, а на третий раз пропустили. Вам-то, наверное, всё равно, а мне как математику обидно».

Курсанты, знавшие слабость своего экзаменатора – любовь к фотографированию, использовали ее, чтобы отвлечь его внимание. Где-то в середине экзамена появлялся фотограф, просивший разрешения запечатлеть Александра Васильевича со своими любимыми учениками. Курсанты группировались вокруг начальника кафедры, суеверно стараясь, однако, не переступить таинственную черту, а обходя ее стороной. Фотографа, как правило, не устраивала стихийно сложившаяся композиция кадра, и он просил то одного, то другого подвинуться, снова заглядывал в видеоискатель, не нажимая кнопку до тех пор, пока из коридора не передадут спасительные шпаргалки. Готовые фотографии приносили Иванову уже в следующем семестре, иногда даже после летней практики, но этот ритуал неизменно соблюдался.

Еще к одной уловке прибегали хитрые троечники. Старшекурсники говаривали, что Александр Васильевич всегда носит в кармане сухарь и в перерыве неизменно грызет его, да и на экзамене имеет

обыкновение что-нибудь жевать. За дверью аудитории скидывались по копейкам, посланец бежал в ближайший магазин и покупал белый батон, а если хватало денег, то и кусок ветчинно-рубленной колбасы. Иванов сначала как бы не замечал аккуратно завернутый в газетку батон, но вскоре отщипывал от него ломтик и аккуратно, чтобы не обронить ни крошечки, отправлял его в рот и медленно пережевывал. Когда батон заканчивался, Александр Васильевич, незаметно для себя, повышал темп экзамена, чем обычно пользовались слабее подготовленные курсанты, всегда старавшиеся попасть в конец списки очередности.

...Обер-лейтенант Эрих Хармс нетерпеливо вглядывался в окуляры бинокля, стараясь получше разглядеть это суденышко, обходившее полосу мелкобитого льда. Да, конечно, это вовсе не транспорт из конвоя американцев и англичан, союзников русских. Тогда, год назад, в июле сорок второго, они славно поохотились, их U-255 великолепно себя зарекомендовала. Конечно, лавры победителя достались командиру, капитан-лейтенанту Рехе, а он, первый офицер, остался в тени. Но все же и его вклад есть в их выдающейся победе. За три дня – три транспорта: «Джон Уайтерску» и «Алькоа Ренджер» под флагом этих зазнавшихся америкашек, а потом – «Олопана» под флагом Великобритании, всего не меньше двадцати тысяч регистровых тонн. Такое не забывается. Сколько танков и самолетов, грузовиков и запасов продовольствия недополучили русские! А потом еще, и еще, и еще – всего десять судов, и американских, и русских, и даже под флагом Нидерландов. Нет, не зря фюрер наградил Рейнхарта Рехе рыцарским крестом!

Вот тут, совсем близко, находится мыс Новой Земли, который на русских картах называется мысом Желания. Это он, Хармс, подсказал командиру мысль обстрелять расположенную там полярную станцию, спалить ее начисто, чтобы русские лишились источника сведений о погоде на обширном пространстве, – а без надежного прогноза погоды тут, в Арктике, и шагу не сделаешь.

Сегодня, 27 июля 1943 года, уже пошел восьмой день, как подводная лодка U-255, впервые под его, обер-лейтенанта Хармса, командованием вышла на свободную охоту из заполярного Нарвика, а все еще ни одной победы, ни одного потопленного корабля противника. Нет, Хармс верит в свою счастливую звезду, не зря же на щите, украшающем рубку, изображен символ прославленного корабля – хитрый лис. Его острые уши напряженно вслушиваются – они непременно поймут самый ма-

лейший шорох, его глаза чуть прищурены – они разглядят цель и в полной темноте, ноздри на его вытянутой мордочке напряжены – они даже по слабому запаху почуют противника.

Лодка Хармса идет в надводном положении, удерживаясь ближе к берегу, но на суденышке ее, по-видимому, еще не заметили. Эта тихоходная парусно-моторная шхуна напоминала зверобойное судно или рыбацкий траулер, знакомый Эриху еще с тех пор, когда он сам занимался глубоководным рыболовным промыслом. Да, конечно, старенькая деревянная шхуна – не ахти какая цель, но должен же он, в конце концов, открыть свой личный боевой счет. Зачем это суденышко забрело сюда, в район, где за сотни километров ни к северу, ни к югу нет никаких стратегических объектов, никакого жилья? Может быть, это судно погоды, которое к тому же ведет ледовую разведку? А может быть – снабженец, который должен доставить на полярную станцию с трудно выговариваемым русским названием «Залив Благополучия» тонн триста груза? В любом случае, надо его атаковать.

Хармс оценил дистанцию – шхуна совсем рядом, в двух-трех кабельтовых, и вызвал наверх орудейный расчет. Обер-ефрейтор Ауэр и матрос Хакшпиль побежали готовить пушку к стрельбе.

В семикратный цейс можно было разглядеть едва ли не выражение лиц двух русских моряков, находившихся на верхней палубе шхуны. 88-миллиметровый снаряд попал точно в рулевую рубку, разрывом смело и этих двоих. Вспыхнуло пламя. Карл Рот, старший радист, доложил: русские ведут передачу, по-видимому, просят помощи. «Целиться по ватерлинии», – приказал Хармс. И тут же с удовлетворением отметил хорошую работу своих артиллеристов. В левом борту шхуны образовалась большая пробоина, через которую внутрь корпуса потоком пошла вода. Люди на шхуне, выпавшие на верхнюю палубу, торопливо спускали шлюпку, что-то тащили в нее, а судно накренилось все больше и больше. После нескольких выстрелов, столь же удачных, как и предыдущие, Хармс приказал прекратить огонь: добивать шхуну не имело смысла – она и так была обречена.

Переполненная шлюпка отошла от тонущего судна. Несколько человек, которым, по-видимому, в шлюпке не хватило места, бросились в воду и пустились вплавь, а шхуна, резко наклонившись влево, перевернулась и ушла под воду. «Как называется эта посудина?» – спросил Хармс сигнальщика: надо было сделать запись в журнале боевых действий. «Я успел прочитать надпись на корме – «Академик Шокальский», – доложил матрос.

Между тем и те люди, которые спасались на шлюпке, и те, кто добирался вплавь, собрались на большой льдине и пытались отжать промокшую одежду.

Вахтенный офицер Дитер Хенген попросил разрешения поохотиться на этих жалких людишек, все равно обреченных на смерть. «Что ж, давай, боевой камарад», – согласился командир. Хенген, мгновенно закрепив ствол пулемета на универсальном станке, стал сквозь рамку прицела разглядывать копошащиеся на льдине фигурки. Одна из них показалась ему забавной: небольшого роста, в мешковатой, явно не по размеру, ватной куртке. «Дас вайбсбилд (баба)!» – догадался Дитер и нажал на спусковой крючок.

...Иванов с трудом делал каждый следующий шаг. Непрозрачный и твердый зернистый снег не сохранял следы. И хотя ступня, казалось бы, чувствовала каждое зерно, ноги разъезжались, как будто бы он шел по зеркальному льду, а не по этой плотной поверхности, покрытой невысокими заступами – крутыми с наветренной стороны и пологими с подветренной. Непроизвольно Александр пытался отсчитывать шаги: «один, два, три...», но скоро сбивался, и в голове только тикало: «... фирн... фирн... фирн...» Только фирн – крупнозернистый слежавшийся снег, который терзал опухшие от боли, помороженные, укутанные драным тряпьем ноги, проникал в сознание, отзываясь на каждый шаг: «...фирн... фирн... фирн...»

Как болела рана на спине, повыше пояса. Это еще там, на льдине, пуля ударила по касательной и сбила с ног. Хорошо еще, что не насмерть. А впрочем, что тут хорошего; может быть, лучше было бы навсегда остаться на льдине, как остались там Белла Футерман и еще двое моряков, не успевших укрыться за торосами. Но Витя Лескинен, верный товарищ, соорудил тугую повязку из своей натальной рубахи да, крепко обматерив, заставил встать на ноги и посадил в продырявленную шлюпку, пробоины в бортах которой моряки законопачивали тряпками от разодранной одежды да выдранными из стеганок клоками ваты.

Начальник экспедиции Большаков и капитан Снисаренко пересчитали по головам оставшихся в живых, с трудом вместившихся в маленькую, осевшую почти до планширя шлюпку. Получилось девятнадцать. Значит, пятеро были убиты еще на борту шхуны, а может, кто-то и не доплыл до льдины. Радист сказал, что он открытым текстом передал на Диксон сообщение о нападении подводной лодки, но координаты сообщить не мог: вахтенный штурман был убит первым же снарядом. А капитан

Снисаренко, мгновенно оценив ситуацию, лихорадочно торопился сжечь коды и секретные карты. Борт тонущей шхуны он покинул последним, когда убедился, что живых на судне уже не осталось. Стащив с ног сапоги, засунул их за пазуху и неожиданно для самого себя перекрестился: «Господи, пронеси...», а затем сполз по поднывавшему вверх правому борту в ледяную воду.

Опытный моряк, капитан и без карты хорошо представлял, где их потопили: милях в десяти от мыса Спорый Наволок. Куда двигаться? Сомнений не было. Прежде всего, к маячившему на западе берегу Новой Земли: продырявленная и перегруженная шлюпка долго не выдержит. А там – идти либо на север, к полярной станции «Мыс Желания», либо к югу, к станции «Залив Благополучия». Решили, что хотя мыс Желания и немного ближе, но идти нужно на юг: ведь именно в залив Благополучия направлялся «Академик Шокальский», доставлявший туда смену зимовщиков. Значит, и искать потерпевших бедствие будут в той стороне. Если по прямой – то это миль семьдесят-восемьдесят. Но разве в Арктике пройдешь по прямой?

Решили разделить на две группы. Чтобы разгрузить шлюпку, одна группа пойдет по берегу, а другая – на веслах, со скудными запасами продовольствия, чтобы не тащить их на горбу. Раз в сутки делать привал, собираться всем вместе для обогрева и приема пищи.

Иванов попал в пешую группу. Мало того что болело плечо, что уже через несколько часов пути заныли полубосые ноги, тут еще каждые несколько километров ручей или речушка, переходить которую приходится вброд, иногда по грудь в ледяной воде. А солнце, как бы издеваясь, целый день не спеша проходит по кругу над горизонтом, лишь около полуночи ненадолго скрывается за вершинами горного хребта, протянувшегося вдоль острова. Холодно, все время холодно, и одежда до следующей речки не успевает высохнуть, а то и попросту замерзает на срывающемся с горных ледников пронзительном ветру.

На второй день пути обе группы собрались на берегу, чтобы чуть-чуть отдохнуть, а если удастся, и поспать, пока не ступили на фирновые поля ниспадающих в море ледников. Едва развели костерок из собранного у береговой черты плавника, как в море внезапно появилась подводная лодка. Не потребовалось никакой команды, чтобы моряки и «научники» побежали прочь от берега – прятаться за крупными камнями. И впопыхах вдогонку им короткими очередями ударил по камням пулеметный огонь. Мало того: с пиратского корабля спустили на воду

надувную лодку и два матроса с пистолет-пулеметами на груди веслами вроде байдарочных погребли к берегу. Перед тем как ступить на берег, на всякий случай от живота веером обстреляли окрестность. Потом столкнули шлюпку с «Шокальского» на воду, взяли ее на буксир и погребли обратно к своей подлодке. Всё, ни крохи продовольствия у спасающихся больше не осталось.

А дальше путь пошел уже по сползающим в море ледникам, покрытым все тем же фирном, испещренным предательскими трещинами, которые не всегда можно было перешагнуть, а приходилось отклоняться далеко в сторону, чтобы их обойти или найти перекинувшийся через них ненадежный снежный мост.

Все вместе прошли только первые километры, а дальше группа распалась на маленькие группочки, а то и на одиночек; кто был посильнее и получше одет, ушел вперед, а слабые и практически босые тащились позади, отставая все больше. Среди последних был и раненый Иванов. Он тащился еле-еле, часто падал. Невысокое солнце, отражаясь в мириадах льдинок, слепило глаза, и они стали нестерпимо болеть, так что Александр брёл, зажмурившись, лишь время от времени заставляя себя разжать веки, чтобы не сбиться с направления движения и не свалиться в очередную трещину. Первое время очень хотелось есть, а потом чувство голода исчезло – наверное, организм притерпелся и, как рассказывали бывалые полярники, побывавшие в подобных переделках, съедал сам себя. Впереди уже никого не было видно, но на четвертый день пути Иванов наткнулся на недвижимое человеческое тело. Он равнодушно взглянул на обросшее буйной щетиной лицо покойника. Единственная появившаяся мысль была – нельзя ли воспользоваться чем-нибудь из одежды мертвеца, но пользоваться было нечем: верно, то, что еще можно было взять из жалкого тряпья, забрали идущие впереди. Второй встретившийся на дороге мертвец лежал лицом вниз; Иванов даже и не пытался его повернуть, чтобы взглянуть в лицо и опознать. Он уже понял, что следующая очередь – его.

Когда на море показалось идущее вдоль берега суденышко, Иванов не придал этому никакого значения – конечно, это галлюцинация. Но суденышко подошло к участку береговой черты между двумя ледниками, и два матроса втащили на борт потерявшего последние силы Александра.

Потом он узнал, что это был мотобот «Полярник», высланный по указанию с Диксона из пролива Маточкин Шар на поиски терпящих бедствие. Первая группа людей с «Академика

Шокальского» была подобрана еще накануне, а вот сегодня, 2 августа, найдены последние из шестнадцати оставшихся в живых.

...В Высшее арктическое морское училище поступали, по преимуществу, ребята из глухой провинции, где все их знакомство с музыкальной культурой ограничивалось хриплыми звуками полонеза Огинского, доносившимися из помятой черной бумажной тарелки репродуктора. Иванов взял на себя просветительскую миссию и в конце каждой лекции минут десять-пятнадцать уделял рассказу о классической музыке. Зная о его любви к музыке, курсанты нередко, особенно на экзамене, затевали разговор о классике или модном джазе. Гера Куклин, выпучив глаза, изображал то игру на саксофоне, складываясь чуть ли не пополам, то вздымал золотую трубу Гленна Миллера, и Александр Васильевич вместе с Герой наслаждался мелодией: «Пардон ми, бой, из зэт зэ Чаттануга Чу-Чу?»

У старшекурсников-океанологов Иванов вел занятия по гидродинамике применительно к теории течений и волнения. Сам в прошлом гидролог, он любил отвлечься от темы лекции и вспомнить, как еще в тридцатые годы работал на Диксоне, как своими руками создавал там метеостанцию, как участвовал в комплексных экспедициях в Карском море вместе с молодыми тогда, а теперь ставшими знаменитыми полярниками.

Тот же Валерий Лифшиц рассказывал: «Обычно Иванов приходил на лекции в довольно потёртом костюме со следами мела на сгибах. Но вдруг явился в костюме с иголочки. Это было так удивительно, что кто-то спросил его (может, и я): «Александр Васильевич, у Вас такой красивый костюм. Почему Вы решились прийти в нём на лекцию?» (мы-то сами ходили на занятия не в парадных форменках, а в жутких х/б и ботинках г/д). Иванов подумал, отвечать или нет, но после небольшой паузы рассказал небольшую историю. «Получил я как-то письмо от профессора Штокмана из ИОАна (Институт океанологии Академии наук СССР). Спрашивает, решается ли такое-то уравнение. Я ему ответил – решается. Через две недели приходит второе письмо: каким методом оно решается? Я ему ответил – таким-то. Прошёл месяц, получаю перевод на восемьсот рублей и на обороте перевода просьба – решить это уравнение. Ну, я посидел вечерок, решил и отослал. На эти деньги и купил костюм».

Через несколько лет в самолёте Ленинград – Москва ряда на два впереди себя я увидел Иванова, который читал брошюрку и весело смеялся. Я подошёл поздороваться и заглянул через плечо –

на страницах брошюрки было четыре-пять слов «возьмём», «отсюда», «таким образом» и сплошные математические символы. Ответив на приветствие, А.В. покачал головой, показал пальцем на середину странички: «До чего остроумно пишет!» И продолжил читать, хихикая».

...С Ефимом Михайловичем я встретился на малолюдном утреннем Невском. Одетый по мартовской погоде – в тяжелом ратиновом пальто с роскошным мохеровым шарфом на шее и в фетровой шляпе с неширокими полями, он даже среди нарядных прохожих выглядел особенно элегантно. Легкий румянец играл на его щеках, голова, как всегда, была чуть-чуть откинута назад, и, казалось, он ни на кого не обращал внимания. Однако, увидев меня, он решительно двинулся навстречу, всем своим обликом выражая удовольствие от этой неожиданности. Признаться, я был польщен: ведь прошло столько времени после того, как я сдал ему последний экзамен, а он все еще помнил меня, одного из сотен курсантов, прошедших перед ним за эти три с половиной года. Впрочем, о феноменальной памяти доцента Полищука его ученики говорили с изумлением. Он мог в ходе лекции, не обращаясь к таблицам, назвать логарифм какого-нибудь числа; скептики проверяли, всё было точно. Я-то подозревал, что это был заранее подготовленный трюк: лектор выучил наизусть один-единственный логарифм, что не сложнее, чем запомнить номер собственного телефона, и каждый раз на лекциях в разных потоках воспроизводил именно его значение.

Я только что получил диплом об окончании училища и ждал направления на работу. Ефим Михайлович заинтересованно расспрашивал меня о планах на будущее, заметив как бы мимоходом: «Конечно, вы будете поступать в аспирантуру?» Я смутился: аспирантуры не только не было в моих планах, но я даже очень смутно представлял, что это такое. «Ну что же, – не возражал мой учитель, – сначала стоит поднабраться опыта, а уж потом, конечно, подумайте и об аспирантуре».

...Спустя лет семь я, преподаватель морского вуза и аспирант-заочник (сбылось предсказание Ефима Михайловича!), на другом конце земли, во Владивостоке, иду по улице своего микрорайона «Вторая Речка», и навстречу идет – нет, не идет, а шествует – джентльмен в модном плаще и шляпе с неширокими полями. Из-под коротковатых брючин проглядывает полоска черных нейлоновых носков (конечно, японских!) с алой стрелкой. Поднимаю взгляд – и глазам своим не верю: это же Полищук!

– Ефим Михайлович! Как? Вы – и вдруг здесь!

Полищук подхватил меня под руку.

– Вы знаете, Володя, ведь вас, помнится, Володей зовут – вы позволите мне вас так называть, – я вернулся! Ах, конечно, ведь вы же ничего не знаете. Во Владивостоке я уже не впервые. Перед самой войной я окончил аспирантуру МГУ, кандидатскую защитил, смею сказать, блестяще, за несколько дней до начала войны, и меня направили в Красноярск создавать кафедру геометрии в пединституте. А когда я узнал, что во Владивостоке создается высшее мореходное училище, я все сделал, чтобы попасть туда, с детства мечтал жить на берегу океана, а тут еще и учить будущих капитанов. Почти пять лет работал здесь заведующим кафедрой высшей математики. Вы говорите – «гора с горой», а я вот запомнил первых своих курсантов, не всех, конечно, но самых приметных, тех, кто на лекциях всегда сидел в первом ряду... Теперь они – бывалые капитаны дальнего плавания, а ведь я когда-то даже руководил их первой плавательной практикой!

Переехав в Ленинград, – продолжил Ефим Михайлович, – я стал работать в ВАМУ и успешно преподавал там почти десять лет. Но все-таки курс математики в инженерном вузе, в том числе и в морском, заканчивается, в лучшем случае, достижениями середины девятнадцатого века. И когда мне предложили во Владивостоке, в университете, кафедру геометрии и высшей алгебры, это было вполне созвучно моим профессиональным интересам, и вот мы теперь здесь – я и мой сын Витя, способный молодой человек, но не в меня – его тянет к искусству, он превосходный рисовальщик, а к математике равнодушен.

– Ефим Михайлович, – осторожно перебил я его, – а чем обусловлен ваш интерес к геометрии? Вот и тогда, в Красноярске, вы заведовали кафедрой геометрии, и теперь, во Владивостоке, – тоже. А что нового может найти в геометрии сегодняшний ученый? «Пифагоровы штаны на все стороны равны» да «параллельные прямые не пересекаются»...

– Нет, Володя, вы заблуждаетесь, – мягко поправил меня Полищук. – Это только в Евклидовой геометрии параллельные не пересекаются. А ведь геометрий существует бесконечное множество. В одних из них, как и в жизни, параллельные пересекаются, а в других – расходятся.

...Однажды я застал у Ефима Михайловича едва ли не десяток студентов, которые старательно вписывали формулы в отпечатанный на машинке текст. «Моя докторская диссертация», – не без гордости пояснял Полищук. На мой вопрос он назвал ее тему: «Континуальные средние и вопросы анализа в функциональных пространствах». По-видимому,

мое лицо выразило столь глубокую степень непонимания, что он поспешил разъяснить, что занимается проблемами, связанными с теорией функционалов. Яснее мне ничуть не стало. Ефим Михайлович попытался меня просветить: «Вот вам пример из вашей области знаний. Пусть вам на вашем судне требуется совершить переход через океан из пункта А в пункт Б. Понятно, что кривых, соединяющих точки А и Б, на карте можно провести сколь угодно много, даже если ограничить наш произвол кривыми определенного класса. Чтобы побыстрее попасть в пункт назначения, вы из всех этих кривых выберете те, при плавании по которым судно будет по преимуществу находиться в районах с хорошей погодой и, соответственно, иметь там наименьшие потери скорости. А районов с плохой погодой, где ваше судно будет иметь большие потери скорости из-за ветра и волнения, вы будете, по возможности, избегать или, по крайней мере, находиться в них поменьше. Так вот понятие функционала, грубо говоря, объединяет все ваши кривые и позволит вам выбрать ту единственную, плавание по которой будет совершено за кратчайшее время».

Мне стало яснее, но не намного. По веселым репликам студенток было понятно, что они хорошо разбираются в теории функционалов, и я немножко позавидовал этим девчонкам.

«Не огорчайтесь, – добавил Ефим Михайлович, – функциональные пространства – это область математики, доступная немногим избранным. Мои работы, пожалуй, ближе всего к трудам...» Он назвал фамилию классика, прочно занявшего место в энциклопедиях. Я-то думал, что он давно умер. «Недавно я отправил ему письмо с сообщением о достигнутых мною результатах. Французским, вы знаете, я владею так же хорошо, как и английским. И знаете, что оказалось самым сложным? Выбрать форму обращения к почтенному коллеге! Не «товарищем» же его называть. «Месье» – «господин» так же неуместно, как и «гражданин» – «ситуаиен». Еще академик Крылов, Алексей Николаевич, конечно, хорошо вам известный, как-то заметил: «Французы – такой народ, что сказать просто «месье Лебег» – это будет оскорблением, надо обязательно написать «месье Анри Лебег». Наконец меня осенило: «Шер ля мэтр» – «Дорогой метр». Счастливая находка!»

Когда Полищук покидал Владивосток, я помогал ему и его сыну-подростку укладывать вещи в контейнер. Собственно говоря, помощь моя была вовсе не нужна: весь домашний скарб математика вместе с его рукописями и книгами едва закрыл дно контейнера. Ефим Михайлович даже не упаковывал книги в коробки, как обычно это делается, а приносил их ки-

пами прямо к контейнеру и там разбирал: эту с собой, а эту – на выброс. Одну за другой он отобрал несколько книг и попросил меня взять их на память. Я был несколько удивлен: человек, всю жизнь занимающийся функционалами и континуальными пространствами, увлекался рассказами о путешествиях, дальних плаваниях и дерзких авантюрах. Я пролистал одну из подаренных книг – «На «Баунти» в южные моря». Она рассказывала о капитане Уильяме Блае, который вместе со своими немногочисленными сторонниками был высажен взбунтовавшимся экипажем за борт на верную гибель и только благодаря железной воле совершил на утлой шлюпке беспримерный переход и через несколько лет возвратился, чтобы покарать мятежников. Может быть, тогда, впервые так остро ощутив в Ефиме Михайловиче родственную душу, я почувствовал обжигающую жалость от расставания с моим учителем...

«...Министру высшего и среднего профессионального образования, председателю Высшей аттестационной комиссии... Прилагаю копию письма, направленного мною в экспертную комиссию по математике. Речь идет о безобразном случае в практике руководимого Вами органа. Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой проследить за тем, чтобы дело ленинградского математика Е.М. Полищука было наконец доведено до беспристрастного решения...»

Ефим Михайлович еще раз перечитал этот проект обращения, подготовленный давним знакомым, заведующим кафедрой высшей математики одного из провинциальных педагогических институтов. Нет, резкость в выражениях никогда не была сильным аргументом, да и не приличествует академическому ученому в таком тоне выражать свои убеждения. Впрочем, в самом письме, к которому проект был приложен, его автор выражал те же сомнения и просил Ефима Михайловича подкорректировать текст.

Полищук представил себе, как референт докладывает министру – председателю ВАК о полученном обращении. «А кто такой этот Полищук? – спросит министр. – Вы подобрали документы?» – «Да как же, вот они. Докторскую диссертацию он защищал в ученом совете мехмата МГУ четыре с половиной года назад, все три оппонента дали положительные отзывы, и голосование было практически единогласным. Как полагается, диссертация по вашему указанию была отправлена на отзыв «черному» оппоненту». – «А что у этого, Полищука...» Референт опередил руководителя: «Да никаких сомнений. В листке по учету кадров так прямо и написано...» – «Ну что вы, Павел Фомич, не надо, а то нас с вами еще чего доброго сочтут юдофобами, а им, этим

плюгавым диссидентам-«правозащитникам», только дай повод, раззвонят по всему свету... А кто же еще прислал отзывы?» – «Академик Смирнов». – «Старый дурак, не совался бы не в свое дело», – подумал министр. – «Академик Линник; смею заметить, что Юрий Владимирович – одноклассник соискателя, с ним за одной партией в киевской школе сидел». – «Да, да, это ты заметил очень кстати: член президиума Академии наук, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, – а мы его отметем как имеющего личную заинтересованность в продвижении школьного приятеля». – «Академик Колмогоров». Министр недовольно поморщился. Колмогоров, как-никак, гордость советской науки, живой классик XX века. – «Позволю обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Анатолий Николаевич пишет, что знакомился с диссертацией по автореферату, так что его отзыв отзывом как бы не является». – «Ах, Колмогоров, хитрый лис, знает, как и рыбку съесть, и невинность соблюсти!» – восхитился в душе министр.

«А может быть, все было совсем не так, – подумал Полищук. – Но ведь отзыв, который дал «черный оппонент», откровенно недобросовестен, а его замечания по существу нелепы. Впрочем, чего только не бывает в этом кругу математиков, который непосвященным кажется собранием небожителей, в своих абстракциях далеких от насущных земных проблем! А таких ли уж далеких?»

Вот и мой друг пишет, что я по вине ВАК перенес тяжелое психическое потрясение. Надо набраться смелости и признаться самому себе, что больше я этого издевательства не выдержу. Мое состояние сейчас близко к помешательству. В конце концов, я обязан подумать не только о себе, но и о семье, о детях. Что будет, если «черные оппоненты» (не зря их назвали «черными!») все-таки выбьют меня из ряда?!»

На следующий день Полищук отправил в ВАК заявление с просьбой снять с дальнейшего рассмотрения его докторскую диссертацию.

...Много лет я ничего не знал о дальнейшей судьбе Полищука.

Недавно, наконец, наткнулся в Интернете на фамилию Ефима Михайловича как – увы, тоже уже покойного, – члена Санкт-Петербургского математического общества. Получив тяжелое нервное потрясение от нелепого и злобного заключения назначенного экспертной комиссией безымянного «черного оппонента», Полищук оставил работу в институте и, когда, наконец, к нему вернулись силы, обратился к «домашнему» труду – написанию научных биографий знамени-

тых математиков. Знание языков помогло ему открыть доселе неизвестные русскому читателю страницы их увлекательной жизни. Четыре книги Полищука – солидный труд, даже если судить только по их общему объему – 747 страниц текста. Возможно, понятие «текст» к этим страницам может быть применено чисто условно, как к той брошюрке, которую когда-то друг мой Лифшиц видел в руках у Александра Васильевича Иванова: «возьмём», «отсюда», «таким образом» и сплошные математические символы. Если Иванов читал книжки своего бывшего коллеги, то наверняка ему было от чего повеселиться.

Впрочем, это лишь предположение дилетанта. Книги Е.М. Полищука охарактеризованы его коллегами как «вдохновенные возвышенной любовью к науке, написанные с незаурядным блеском, отражающие его незаурядную эрудицию».

В последние свои годы Ефим Михайлович нередко садился за пишущую машинку и перепечатывал полюбившиеся ему стихотворения Цветаевой, Брюсова, Заболоцкого – просто так, на память. А может быть, еще и потому, что книг в открытой продаже тогда почти не было, да и покупка их для пенсионера была ощутимо накладна.

После его гибели в машинке остался лист с перепечатанным стихотворением Игоря Северянина:

*...Я не могу себе представить,
Всем ощущеньем, всей душой,
Как можно этот мир оставить,
Молчать, исслеть, не быть собой.
Что значит жить? Для вас – не знаю.*

*Жить, для меня, – вдыхать сирень,
В седой мороз стремиться к маю,
Благословляя новый день.*

...О том, как сложилась жизнь Александра Васильевича, я тоже толком ничего не знал многие годы. На мои запросы откликнулся другой мой сокурсник, Валентин Брянцев. Вот что он сообщил.

«Где-то в 60-е годы Иванов перебрался в Минск. Я узнал об этом из газеты, где был напечатан разгромный фельетон о «дареных» диссертациях, производимых группой во главе с Ивановым. Скорее всего, их основы он и создавал.

Подробности мне рассказал кто-то из знакомых. Вначале в своем НИИ или вузе он предложил подарить коллеге на юбилей кандидатскую диссертацию. Успех предприятия создал ажиотажный спрос. Однажды такую услугу оказали какому-то чиновнику, от которого зависела поставка в учреждение топлива. Затем кому-то сделали докторскую. Ну, кончилось это печально. Больше я о нем не слышал».

Бедный Иванов! Разве он мог предполагать, что спустя каких-нибудь три-четыре десятка лет неведомый в его время Интернет будет ломиться от объявлений: «Кандидатские и докторские диссертации на заказ! Кратчайшие сроки выполнения работ любой сложности и на любую тему! Неповторимость и качество гарантируются! Любые способы оплаты! Цена – по договоренности».

А он-то, Иванов, сочинял кандидатскую всего лишь за машину дров для своего института...

□

Владимир Вениаминович ВЕЙХМАН

родился в 1934 г. в г. Хабаровске.

После окончания в 1957 г. Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала Макарова работал помощником капитана на рыболовных судах, более 40 лет преподавал в морских учебных заведениях.

Кандидат технических наук, доцент.

С 2000 г. живет в Израиле.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Большая часть его литературных произведений посвящена морской тематике. Печатался в литературно-художественных журналах, альманахах и сборниках в России и в Израиле.

В 2002 – 2010 гг. опубликовано пять книг его документальной и научно-художественной прозы, две книги стихотворений.

В журнале «Север» публикуется впервые.

